

На правах рукописи

Пороль Ольга Анатольевна

**БИБЛЕЙСКИЙ ДИСКУРС И ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА
(ГЕНЕЗИС, ТИПОЛОГИЯ)**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2017

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор **Коваленко Александр Георгиевич**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук (10.01.01), доцент **Ничипоров Илья Борисович**, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»;

доктор филологических наук (10.01.01), доцент **Круглова Татьяна Сергеевна**, профессор кафедры ЮНЕСКО ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»;

доктор филологических наук (10.01.01), доцент **Гавриков Виталий Александрович**, профессор кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Брянский филиал).

Ведущая организация: Образовательное частное учреждение высшего образования «Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова», кафедра истории журналистики и литературы.

Защита состоится 23 июня 2017 года в 15-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.203.23 при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, ауд. 730.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат размещены на сайте <http://vak.ed.gov.ru> и <http://dissovet.rudn.ru>.

Автореферат разослан 23 мая 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Базанова А.Е.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Происходившие в России социально-экономические и социально-культурные процессы обозначенного периода способствовали возникновению ощущения непредсказуемости земного бытия у многих поэтов и писателей. Очутившись в круговороте совершающихся потрясений, приняв или отторгнув изменения мира, культурная элита пыталась обрести себя, найти свое место во времени и пространстве. Обращение к оккультизму, к новым, преобразованным и другим религиям и, наконец, к Логосу – стало попыткой заполнить возникший духовный вакуум. Библейский дискурс в такой ситуации становится доминирующим в поэтической системе Ф. Сологуба, А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, Ю. Балтрушайтиса, Н. Гумилева, О. Мандельштама, А. Ахматовой, М. Волошина и других крупных поэтов.

Под *библейским дискурсом* в нашей работе понимается специфика возникновения и функционирования *текста Библии* в поэтическом метатексте русской литературы первой трети XX века в совокупности с внутренними и внешними факторами, влияющими на него. Возникшее в результате библейского дискурса *онтологическое пространство* – это художественное пространство в русской поэзии, сформированное библейским текстом.

Исследования, посвященные библейской проблематике, долгое время (с 1920-1980-е годы XX века) занимали отчетливо выраженное маргинальное положение. Лишь с конца 1980-х годов прошлого столетия в России начинают выходить журналы, сборники научных трудов и монографии, в которых русская литература рассматривается в контексте христианской культуры. Литературоведение постсоветского периода вновь открыло для себя ранее полузапретную тему и сделало ее одним из главных направлений своей деятельности, что отразилось в «Ученых записках», «Известиях», «Вестниках» и других серийных изданиях и тематических сборниках научных трудов.

К 2002 г., согласно библиографическому указателю «Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков» А.П. Дмитриева и Л.В. Дмитриевой, изданного под редакцией В.А. Котельникова, было известно около 15 000 журнальных и книжных публикаций, в которых рассмотрены взаимоотношения русской светской литературы Нового времени и христианской традиции во всех ее аспектах – философском, литературоведческом, историко-культурном, богословско-догматическом.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. наметились вопросы, касающиеся библейской проблематики (работы И.А. Есаулова, В.А. Котельникова, А.М. Любомудрова и других), обнаружилась флуктуация терминологии. И.А. Есаулов выдвигает понятие «пасхальный архетип» как доминантное для русской литературы, исследует категорию соборности. В.А. Котельников изучает характер глубинных семантических слоев языка художественных произведений. А.М. Любомудров научно обосновывает одно из литературных явлений, получившее в современном литературоведении название «духовный

реализм», рассматривает и уточняет термины «христианский», «православный», «духовный».

В последние десятилетия опубликовано фундаментальное отечественное исследование М.М. Дунаева «Православие и русская литература», где предложено систематизированное осмысление особенностей развития отечественной словесности, изданы актуальные работы Ю.М. Лотмана, В.С. Непомнящего, Н.А. Богомолова, В.А. Котельникова, Б.В. Соколова, Л.Г. Кихней, Н.П. Саблиной и др., в которых содержатся глубокие концептуальные исследования влияния библейского текста на русскую литературу.

Тема «Библия и русская литература» стала источником многих современных диссертационных исследований в следующих аспектах: *взаимодействие библейских текстов и русской поэзии* (Химич Г.А. «Стихотворные переложения псалмов в отечественной поэзии XVII-XX веков» (2002), Барышникова И.Ю. «Новый Завет и Псалтирь в русской поэзии» (2013), Яковлева Л.А. «Апокалипсическая семантика в поэзии Анны Ахматовой» (2014); *отдельных библейских элементов в русской литературе* (Лау Н.В. «Мотив «духовного странничества» в прозе русской эмиграции (И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев)» (2011), Кузьмина М.К. «Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XVII вв.» (2014); *соотношение русской литературы с христианской духовностью и культурой* (Комков О.А. «Традиции православного иконологического мышления в русской литературе XIX – нач. XX веков: А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Н.С. Лесков, И.С. Шмелев» (2001), Любомудров А.М. «Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев» (2001), Климчукова В.Н. «Лирическая поэзия Н.С. Гумилева: духовные основы, мифологические и литературные истоки» (2007), Скрипникова Т.И. «Духовно-религиозная проблематика и ее художественное воплощение в «крестьянской прозе» И.А. Бунина» (2008), Петрова Н.И. «Культурно-религиозная парадигма в творчестве О. Мандельштама» (2012), Терешкина Д.Б. «„Четы-Минеи“ и русская словесность Нового времени» (2015) и т.д.

Одной из «лакун» современного литературоведения при изучении дискурса стало определение роли библейского текста в создании художественных произведений сакральной тематики. Сложность анализа преломления библейских истин в литературном творчестве авторов – одна из актуальных проблем направления «Библия и русская литература». Имеющиеся на сегодняшний день работы подобного рода носят в основном текстологический характер и выявляют тематическую и мотивную связь Библии с художественными текстами отдельных авторов, однако системного (обзорного) осмысления художественного пространства, которое неизбежно возникает в результате библейского дискурса, пока не существует. Необходимость решения этой задачи выводит к пространственно-временному аспекту рассмотрения русской поэзии первой трети XX века, потому что одной

из существенных проблем человека эпохи стала попытка обрести свое место в меняющемся мире, прислушаться к голосу времени.

Научные основы исследования особенностей пространства и времени в литературоведческом и философско-религиозном аспектах были заложены в работах Б.М. Эйхенбаума, П. Флоренского, С.Л. Франка, Н. Гартмана, Г. Кантора, Е.Н. Трубецкого, А. Белого, Вяч. Иванова, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, С.С. Аверинцева, которые в своих трудах обращались к вопросам онтологии. При исследовании библейского дискурса и онтологического пространства в поэзии первой трети XX века применялся структурно-семиотический подход, что обусловлено природой произведений этого периода, полисемантической отдельными образами и мотивами, функционирующими в них. За основу рассмотрения текстов были взяты научные взгляды М.М. Бахтина и представителей тартусско-московской школы (Ю.М. Лотмана, З.Г. Минц, Ю.С. Степанова, В.Н. Топорова и др.).

Изученные материалы свидетельствуют о том, что при непрекращающемся научном внимании к теме «Библия и русская литература» и при наличии различных историко-литературных и философских работ, посвященных особенностям художественного пространства и времени (М.М. Бахтин, Б.М. Эйхенбаум, А.Ф. Лосев, Р.О. Якобсон, Ю.М. Лотман, Д.Е. Максимов, З.Г. Минц, В.Н. Топоров, А.Г. Коваленко, Н.А. Николина, В. Пискунов, В.Ю. Прокофьева и др.), в науке пока не поставлен вопрос о пространственно-временном аспекте библейского дискурса в русской поэзии первой трети XX века.

Нерешенность вышеозначенной проблемы объясняет *актуальность* предложенного диссертационного исследования.

Цель диссертационной работы: проанализировать пространственно-временной аспект библейского дискурса русской поэзии первой трети XX века.

Задачи исследования:

1. Провести текстологический анализ произведений русской поэзии первой трети XX века с целью выявления наиболее репрезентативных образцов, воплощающих библейский дискурс;

2. Обосновать и представить типологию доминантных библейских мотивов, отражающих индивидуальную специфику художественных систем поэтов и, с другой стороны, связанных в единую эстетическую систему, характеризующую библейскую парадигму;

3. Научно обосновать понятие онтологического пространства как важнейшего, структурообразующего термина, наиболее адекватно объясняющего функционирование библейского дискурса в русской поэзии первой трети XX века;

4. Выявить доминантные мотивы, пронизывающие эстетическую систему библейского дискурса в поэзии обозначенного периода;

5. Выявить и обосновать взаимосвязь мотивов, их структурную целостность и единство, опирающиеся на общие для данной эпохи идейно-художественные поиски.

Объект исследования – библейский дискурс в русской поэзии первой трети XX века.

Предмет исследования – тексты русской поэзии названного периода, в которых наиболее глубоко отразилась специфика онтологического пространства.

Для аналитического рассмотрения отобраны произведения авторов, в творчестве которых модель художественного онтологического пространства реализовалась наиболее ярко и многомерно. Учитывалась повторяемость и вариативность ключевых образов, функционирующих в общем семантическом поле русской поэзии первой трети XX века: *пути, света, полноты бытия, обращённого и остановившегося времени, семени*, которые, являясь идейно-смысловыми доминантами в русской поэзии обозначенного периода, образуют концептуальное единство онтологического пространства.

Основной корпус исследуемых произведений (поэтических текстов и работ историко-литературного характера) создан поэтами в 1900 – 1930-е гг., в период, когда библейские и онтологические тенденции, которым посвящена наша работа, были представлены в их творчестве во всей полноте: А. Белый «Симфония» 2-я драматическая (1901), «Первое свидание» (1921), А. Блок «Поэма Двенадцать» (1918), Н. Гумилев «Вечное» (1912), «Заблудившийся трамвай» (1919), «Память» (1921) и другие. После смерти А. Блока (1921) и Н. Гумилева (1921) другие поэты, стремящиеся к разрешению вопросов бытия, продолжали создавать свою «книгу творчества», развивая прежние онтологические концепции: М. Волошин книга поэм «Путями Каина» (1922-1926), «Дом поэта» (1926), А. Белый «Пепел» (1925, 1928-1929), «Золото в лазури» (1925, 1931), О. Мандельштам создает «вторую» и «третью поэтику» (выражение М. Гаспарова), «воронежские тетради» (1935-1937), А. Ахматова пишет «Реквием» (1935-1940) и т.д.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в отечественном литературоведении описано художественное *онтологическое пространство*, сложившееся в библейском дискурсе поэзии первой трети XX века; уточнено смысловое содержание термина «библейский дискурс», выделены антиномии актуальной и потенциальной (дурной) бесконечности на материале поэтических текстов; пространственно-временная природа художественных произведений рассмотрена с опорой на методологию П. Флоренского; поэтические тексты проанализированы с позиций специфики функционирования в них библейского дискурса; представлена типология доминантных библейских мотивов; наряду с «диаволическим дискурсом» (термин А. Ханзен-Лёве) описан библейский дискурс в поэзии Ф. Сологуба; выявлен генезис, функционирование и семантическая наполняемость мотива *обращённого* времени в русской поэзии обозначенного периода.

Период первой трети XX века вошел в историю русской литературы как период создания новой религиозной культуры, и, казалось, господствующей тенденцией была антихристианская. Однако реальность была гораздо сложнее.

В нашей работе мы выдвигаем **гипотезу** о существовании библейского дискурса как одной из наиболее конструктивных идей русской культуры первой трети XX века. Обращаясь к литературе этого периода, мы действительно сталкиваемся и с диаволическим дискурсом, созданием новой религии (А. Ханзен-Лёве, Т.К. Венцлова, С.Л. Слободнюк и др.), но вместе с тем, встречаем явления противоположные. Глубокие структурные основы национальной модели, сложившиеся в предшествующие века, были сохранены. Подтверждение этого тезиса ярче всего отразилось в поэтической речи, содержащей элементы церковнославянской книжности и восходящей к тексту Библии.

Сопrotивление дурной бесконечности и, одновременно, устремленность к гармоничному, целостному миру (или актуальной бесконечности), пожалуй, одна из важнейших тем русской литературы первой трети XX века, рассмотрение которой позволяет лучше понять поэтические концепции многих авторов.

При исследовании обширного корпуса текстов поэзии этого периода теоретически обосновывается и аргументируется представление об *онтологическом пространстве* русской поэзии, в чем, несомненно, видна историко-литературная традиция, ведущая свое начало от гения А. Пушкина, Н. Гоголя и Ф. Достоевского. Так, например, обращение к позднему философскому творчеству А. Пушкина стало доминантой в лирике позднего А. Белого, Н. Гумилева. Об этом свидетельствует система общих образов и тем в творчестве поэтов. Вслед за А. Пушкиным христианство и античность «примирительно» сосуществуют, органически вписываются в широкий контекст творчества М. Волошина, Вяч. Иванова, О. Мандельштама и других поэтов.

Достоверность и научная обоснованность полученных результатов обусловлена тем, что подробно был рассмотрен обширный корпус малоизученных и репрезентативных текстов отдельных авторов (И. Бунина, М. Волошина, Ю. Балтрушайтиса), поэтических школ символизма (Ф. Сологуба, А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова) и акмеизма (Н. Гумилева, О. Мандельштама, А. Ахматовой), а также проанализирована динамика представлений о пространстве и времени в библейском аспекте. Столь сложные, в том числе и текстуальные, разыскания стали необходимы, поскольку «отдельно выхваченный момент не показывает нам цельного образа вещи» (по выражению П. Флоренского). «Облик человека может быть показан лишь чрез единый закон его жизни, от колыбели и до могилы, т.е. формой личности во времени. И тут, как бы ни важен был расцвет личности, он только символически намекает на целое, но отнюдь не отменяет весь рост её, как и упадок» (Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. С. 204).

Принципом отбора произведений для диссертации стала доминантность в них пространственно-временных отношений в контексте библейского дискурса.

Диссертационную работу отличает преимущественно историко-литературоведческий характер, и ее основные задачи решаются на конкретном литературном материале.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили труды философов (П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Г. Кантора, Е.Н. Трубецкого, С.Л. Франка, А.Ф. Loseва, В.П. Троицкого и др.), литературоведов и лингвистов (М.М. Бахтина, Б.В. Томашевского, Е.М. Мелетинского, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, З.Г. Минц, В.Н. Топорова, С.С. Аверинцева, Е.М. Верещагина, М.Л. Гаспарова, Л.К. Долгополова, С.М. Пинаева, Л.Г. Кихней, А.Г. Коваленко, И.Б. Ничипорова, Т.С. Кругловой, В.А. Гаврикова, М.М. Дунаева, В.А. Котельникова, Н.П. Саблиной, И.В. Силантьева, Л. Силард, Е. Хализева и др.).

Для решения поставленных задач в работе использовался комплекс **методов: сравнительно-исторический** (рассмотрение на широком историко-литературном фоне проблемы библейского дискурса в творчестве Ф. Сологуба, А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, Ю. Балтрушайтиса, Н. Гумилева, О. Мандельштама, А. Ахматовой, М. Волошина и др.), **структурно-семиотический** (сопоставление фактов семантики, восходящих к тексту Библии и встречающихся в языке художественных произведений, с целью установления изменения значений библейской лексики и выявления идейно-смысловых доминант, составивших структуру онтологического пространства). В основе анализа художественных произведений, содержащих библейские мотивы, при соотнесении их с текстом Библии применялась **методика исчисления семантических долей** Е.М. Верещагина.

Отбор анализируемого материала осуществлялся методом **сплошной выборки**, который позволил зафиксировать идейно-смысловые доминанты онтологического пространства в исследуемом массиве художественных текстов первой трети XX века.

При рассмотрении художественных произведений мы обращались к **герменевтической интерпретации** текста и **интертекстуальному комментарию** (теории М.М. Бахтина о диалогической природе художественного текста).

Научно-практическая значимость диссертации определяется актуальностью темы и новизной исследования. Его результаты могут применяться преподавателями вузов на занятиях по теории литературы, истории русской литературы, на спецкурсах и спецсеминарах по анализу художественного текста. Материалы диссертации возможно использовать для дальнейших исследований художественного пространства, что представляет ее теоретическую ценность.

Положения, выносимые на защиту:

1. Одной из важнейших составных частей образно-эстетической системы русской литературы первой трети XX века является библейский дискурс, предполагающий создание особого, специфичного для литературы данной

эпохи, художественного пространства, которое мы называем онтологическим пространством.

2. Онтологическое художественное пространство формируется благодаря поэтическим образам и мотивам, восходящим к библейскому тексту.

3. Художественный мир каждого из поэтов состоит из свойственного ему набора доминантных библейских образов: *сада* (Н. Гумилев, Ю. Балтрушайтис), *дня* (А. Блок, Н. Гумилев, Ю. Балтрушайтис, И. Бунин), *сеяния* или *семени* (Вяч. Иванов, О. Мандельштам, М. Волошин, И. Бунин, Вл. Ходасевич и др.), *света* (Ф. Сологуб, А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов, О. Мандельштам, И. Бунин), *моря* (Ф. Сологуб, Ю. Балтрушайтис, Б. Пастернак), *полноты бытия* (А. Белый, Ю. Балтрушайтис, И. Бунин), *крестного пути* (Вяч. Иванов, Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам) и полисемантической концепции *круга* (от дурной бесконечности до идеи воскрешения). В совокупности все эти доминантные образы составляют системное единство, которое характеризует онтологическое пространство литературы данного периода.

4. Взятое в целом художественное пространство поэзии первой трети XX века распадается со всей очевидностью на два противоположных вида: на актуальное и потенциальное. Философско-математический термин «потенциальная бесконечность» на языке русских философов (П. Флоренского, Е. Трубецкого) и поэтов (Ф. Сологуба, Вяч. Иванова, А. Блока, А. Белого, О. Мандельштама) приобретает в русской литературе название *дурной бесконечности* и становится в их творчестве одной из важных тем.

5. Деструктивная форма дурной бесконечности не смогла стать жизнеутверждающей формой бытия. Библейский дискурс в такой ситуации, вольно и «невольнo» становясь доминирующим, функционирует в поэтической системе Ф. Сологуба, Ю. Балтрушайтиса, М. Волошина, А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, Н. Гумилева, О. Мандельштама, А. Ахматовой и других поэтов. Пространственно-временная внутренняя ограниченность символизма (несмотря на бескрайнее, внешнее географическое блуждание) сменяется нравственным поиском истины в творчестве постсимволистов.

6. Линия (путь), круг, крест, свет и образ круга – доминантные образно-смысловые понятия в поэтической системе символистов – образуют типы пространственно-временной организации в библейском дискурсе Ф. Сологуба (*линейный путь*), А. Блока (антиномичный образа *круга*), Вяч. Иванова (*крест* как пространство), А. Белого (антиномизм *пустоты* и *света*).

7. Преодоление акмеистами диаволического дискурса, раздвоенности, свойственной символизму, и восстановление целостного мировоззрения стало возможным после обращения акмеистов к Логосу, что обнаруживает следующую типологию динамики: О. Мандельштам – от осознания земной полноты бытия – к принятию закономерного его опустошения; Н. Гумилев – от горизонтального (географического) пространства в ранней лирике до онтологического (целостного) в поздней; А. Ахматова – от бытового (церковно-

календарного) пространства до онтологического (гармоничное соединение физической (земной) и духовной реальности) на протяжении всего творчества.

8. Концептуальный образ *Света*, возникший в текстах русских поэтов в результате попытки преодоления мгновенности земного бытия, – одна из *основных* идей русской поэзии первой трети XX века. Возникшая в библейском дискурсе русской поэзии устремленность к *Свету* как к источнику жизни, способному защитить от разрушения и смерти, предполагала обращение к свету как к святости в творчестве Ф. Сологуба, А. Блока, О. Мандельштама, М. Волошина, Ю. Балтрушайтиса, И. Бунина.

9. *Обращённое* время – одна из фундаментальных идей библейского дискурса, сквозной доминантный концептуальный мотив, который объединяет все остальные. Идея обращённого времени структурирует всю систему образов в русской поэзии первой трети XX века: *пути, света, памяти, семени, полноты бытия, сада, дня*.

Апробация результатов диссертации. Материалы исследования легли в основу учебного пособия для студентов-филологов «Библия и русская литература» (2014), коллективных монографий «Художественный конфликт в русской и зарубежной литературе» («Концепция двоемирия: Н.С. Гумилев», 2011), «Постмодернизм: взаимодействия в поле культуры» («Библейские элементы интертекстуальности в ранней лирике Ф. Сологуба», 2014). Основные положения исследования были представлены в докладах на Международных научных конференциях: «Русско-испанские сопоставительные исследования: теоретические и методические аспекты» (Гранада, 2011), «Гуманитарные науки и современность» (Москва, 2012) в материалах международного круглого стола «Вместе на одной земле. Роль культуры и образования в развитии интеграционных процессов» (Актобе, 2015) и других (Оренбург 2003, 2007, 2009, 2011, 2012, 2015; Пермь 2004; Челябинск 2009, 2012; Москва 2010), Всероссийских научных и научно-практических конференциях (Самара 2005; Екатеринбург 2005; Оренбург 2008, 2010; Москва 2012, 2013, 2014, 2015), Региональных (Оренбург 2002, 2005, 2014, 2015) и межрегиональных (Оренбург 2006, 2009, 2012) научно-практических конференциях.

Результаты исследования отражены в 53 публикациях, в том числе в 2 монографиях, 18 статьях, опубликованных в научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, и статье, опубликованной в зарубежном издании.

Структура диссертации включает введение, 4 главы, заключение, список художественных источников и научной литературы. Общий объем работы 320 страниц. Библиография насчитывает 350 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его цели и задачи, основные положения, которые выносятся на

защиту, обозначается новизна и научно-практическая значимость полученных результатов.

Библейский дискурс в соответствии с миропониманиями поэтов отражает целостную картину мира первой трети XX века. Обращение поэтов к тексту Библии свидетельствует о попытке восполнения духовного вакуума эпохи, об избавлении от ощущения надвигающейся пустоты и, после долгих духовных исканий, о создании нового *онтологического пространства*.

В первой главе диссертации **Библейский дискурс и пространственно-временные отношения в русской поэзии и философии первой трети XX века** разрабатываются концептуальные основы для создания авторской пространственно-временной типологии, уточняются и предлагаются определения *библейского дискурса, художественного онтологического пространства*.

Параграф 1. **Генезис и типология библейского дискурса** посвящен анализу термина «дискурс» в трудах отечественных и зарубежных ученых (Т.А. Ван Дейк, Б.М. Гаспаров, В.И. Карасик, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Ю.Е. Прохоров, В.П. Руднев, Ю. Руднев, Ю.С. Степанов и др.). В ходе исследования было предложено определение библейского дискурса, восходящее к традиционному отечественному пониманию дискурса как функционирования отдельных единиц и целого текста. Исследование библейского дискурса в русской литературе первой трети XX века позволило определить его структуру.

Библейский дискурс состоит из библейских мотивов, фраз и фрагментов библейского текста. Часто содержание библейского дискурса в творчестве автора концентрируется вокруг одного или нескольких опорных смысловых образов (концептуальных доминант): *пути, круга, света, креста, полноты бытия* и т.д.

Для функционирования библейского дискурса приращение смысла часто оборачивается возникновением в нем *девиативных* мотивов, в которых авторское начало является доминирующим, при явном искажении первоисточника. Н-р, в стихотворении А. Ахматовой «Ждала его напрасно много лет...» (1918) применяется библейский образ для объяснения человеческих отношений: «Ждала его напрасно много лет / Похоже это время на дремоту / Но воссиял неугасимый свет / Тому три года в Вербную Субботу / Мой голос оборвался и затих – / С улыбкой предо мной стоял жених». Библейский образ Христа (в славяно-русской традиции именуемого *Жених*) в стихотворении А. Ахматовой трансформируется в образ человеческий, поэтому слово *жених* употребляется со строчной буквы. Однако сведения, которые были приведены выше (*неугасимый свет, Вербная Суббота*), являясь контекстом к слову *жених*, оживляют в памяти адресата образ Христа.

Функционирование девиативного библейского мотива усложняется, когда в поэтическом тексте видна явная проекция на библейский сюжет при его значительном искажении. Н-р, в стихотворении Ф. Сологуба «Сатанята в моей комнате живут...» (1926) функционируют два библейских мотива: мотив

«притчи о десяти девах» и мотив «явления воскресшего Иисуса Христа двум ученикам на пути в Эммаус». Два названных библейских мотива восходят к разным библейским сюжетам: в первом – повествование о десяти девах, которые, взяв свои светильники, вышли к Жениху (Христу), в другом – два ученика Христа: Клеопа и Лука, идя из Иерусалима в Эммаус, встречают воскресшего Господа. В поэтическом тексте Ф. Сологуба два сюжета, переплетаясь, образуют один: «невесты мудрые», встречая Христа, идут в Эммаус и в Дамаск и «расточают ласки». В библейской притче «невесты» (девы) – это люди, ожидающие суда Божьего над собою. Христос через притчу напоминает об ответственности каждого человека за жизнь на земле, о важности покаяния. «Невесты» в стихотворении Ф. Сологуба отличаются надуманной чувственностью: «Как у нас очаровательны печали, / Как невесты мудрые Христа встречали, / Как пути нашли в Эммаус и в Дамаск, / Расточая море слёз и море ласк».

Библейские темы в творчестве русских поэтов имели не только вольную, но, как известно, и каноничную разработки. Развитие традиционных библейских тем происходило при функционировании целостных библейских мотивов, сохраняющих свое единство и развитых на уровне реминисценций, аллюзий или представленных отдельными самостоятельными словами. Целостный библейский мотив характеризуется полнотой, сфокусированностью автора на конкретном библейском сюжете, заповеди, идейно-смысловой доминанте: *света, семени, сада, покоя, круга, пути* и др.

Церковнославянский язык в поэтических текстах первой трети XX века часто становился базой библейских дискурсивных процессов и необходимым условием возникновения смыслов. Введенное автором в художественное произведение церковнославянское слово или выражение обнаруживает генезис текста и единое лексико-семантическое поле, к которому устремляются другие художественные тексты, способные на диалог.

Так, слово *день*, употребляемое с семантикой церковнославянского языка в поэзии первой трети XX века образует дискурс, при анализе которого обнаруживается появление новых смыслов: день становится вневременной сакральной формой бытия в творчестве многих поэтов, например, «День – таинство великое»; «осениться светом дня» (*Ю. Балтрушайтис* «В горах», «NOLI TANGERE CIRCULOS MEOS»), «В область нетленного дня» (*Ф. Сологуб* «Белая тьма созидает предметы...»), «Побеждало солнце Дня» (*А. Блок* «Инок шел и нес святые знаки...»), «О день, когда я буду зрячим / И странно знающим, спеш!» (*Н. Гумилев* «Вечное») и др.

Из приведенных примеров видно, как слово *день*, номинативно означающее *часть времени*, в библейском дискурсе поэтов усложняется, становясь ценностной категорией бытия. Важно, что прежде выражающее временность, оно начинает обладать высшей духовной реальностью, вмещающей *полноту времени*.

Таким образом, формирование смысла в библейском дискурсе происходило в результате осознания каноничных библейских истин в новых

исторических условиях, что обусловило сосуществование в поэтике А. Блока Ветхозаветной, Новозаветной образности и поэзии заговоров; попытку понять христианство через античность и идеи Рима у Вяч. Иванова; совмещение образов и фраз, заимствованных из Библии, Корана и других религиозно-философских воззрений, при ортодоксальном понимании православных догматов в поэзии Ф. Сологуба; признание библейского пути как единственно правильного в лирике Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама; присутствие в произведениях А. Белого знаковых черт церковнославянской книжности, гимнографических текстов, каноничное, в духе славяно-русской традиции, отношение к важным категориям бытия (смерти, вечности), позволяющее признать глубокую структурную основу национальной модели, сложившейся в мировоззрении автора и увлечение поэта идеями И. Канта, В.С. Соловьева, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, оккультизмом и антропософией Р. Штейнера.

В параграфе **2. Пространство и время в трудах отечественных религиозных мыслителей** анализ основных положений, выдвинутых философами для понимания категорий пространства и времени, позволил сделать следующие выводы:

- рассматривая природу пространства и времени, А.Ф. Лосев, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, П. Флоренский, С.Л. Франк и др. считали бытие непостижимым и необъяснимым с точки зрения обычного человеческого разума;

- вопрос о времени и пространстве может быть *вполне* разрешим только метафизически либо искаженно, субъективно психофизиологически;

- основной тезис о нерасторжимости времени и пространства стал центральным в работах М.М. Бахтина, В.И. Вернадского, Д.С. Лихачева, П. Флоренского и других ученых;

- при рассмотрении философских и поэтических текстов первой трети XX века особенно важным для осознания пространства становится *обращённое время* (П. Флоренский), обнаруженное нами у большинства авторов поэтических текстов русской литературы названного периода (А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, О. Мандельштама, Н. Гумилева, И. Бунина, М. Волошина) и реализуемое с *разной* семантической наполняемостью: от *дурной бесконечности* до идеи *воскрешения*.

Обращённое время в библейской интерпретации (вопрос больше решенный в русской поэзии, нежели в русской философии при неизменном частом переходе из одной области в другую) реализуется в идее *победы жизни над смертью* и над дурной бесконечностью, лишенной всякого смысла.

В параграфе **3. Поле актуальной и потенциальной (дурной) бесконечности в творчестве русских поэтов и философов** было установлено, что художественное пространство русской поэзии первой трети XX века распадается со всей очевидностью на два противоположных вида: на актуальное и потенциальное (антиномия, предложенная Г. Кантором). Потенциальное пространство-время на языке поэтов и философов

обозначенного периода носит название «дурной бесконечности», исследование генезиса которой допускает ряд обобщений:

- антиномия *актуальной* – «дурной» бесконечности становится одной из важных тем в поэтических текстах Вяч. Иванова, А. Блока, А. Белого, О. Мандельштама, Н. Гумилева, А. Ахматовой, философско-математических исследованиях Г. Кантора и П.А. Флоренского; философских работах Е.Н. Трубецкого и А.Ф. Лосева;

- ранее поставленная как проблема в работах А. Шопенгауэра идея бесконечности рассматривается с позиций генезиса в статьях Вяч. Иванова, Е.Н. Трубецкого, П. Флоренского. Являясь объектом самых различных мнений и толкований философов и математиков, проблема бесконечности была вполне обоснована в работах математика Георга Кантора в его знаменитых «Трудах по теории множеств». Идеи Г. Кантора были в дальнейшем развиты П. Флоренским и нашли свое отражение в творчестве многих поэтов первой трети XX века;

- известные серьезные исследования литературоведов (А. Ханзен-Лёве, Т. Венцлова) свидетельствуют об определенном негативном мироощущении лирического героя как доминантной тенденции в русской поэзии обозначенного периода. Если переложить религиозный эпитет «диаволический», характерный, в основном, для языка современной зарубежной славистики, на язык русской литературы и философии первой трети XX века, то понятие «дурная бесконечность», активно функционирующее в литературоведческих и художественных текстах, вполне передает атмосферу времени. Соотнести диаволический дискурс с потенциальной (дурной) бесконечностью нам позволил прежде всего тезис Г. Кантора, выдвинутый ученым в «Трудах по теории множеств», что актуальная бесконечность имеется в Боге;

- философско-математический термин «потенциальная бесконечность» на языке русских философов (П. Флоренского, Е. Трубецкого) и поэтов (Ф. Сологуба, Вяч. Иванова, А. Блока, А. Белого, О. Мандельштама) приобретает название *дурной бесконечности* и становится в их творчестве одной из важных тем. В работе «Столп и утверждение истины. Опыт православной феодицеи в двенадцати письмах» (1914), определяя дурную бесконечность, П. Флоренский указывал на ее основное свойство (непрерывность движения) и пространственные характеристики (беспредельность и бездонность). Останавливающей силой, противостоящей разрушению, дурной бесконечности, по мнению философа, является память;

- анализ функционирования антиномической пары *актуальная* – *дурная бесконечность* в поэтических текстах русской литературы показал, что философы и поэты более всего акцентировали свое внимание на *дурной бесконечности* (или на языке математика Г. Кантора *потенциальной бесконечности*), выступающей антиномией *бесконечности актуальной*;

- понимание жизни как дурной бесконечности имело разную семантическую наполняемость, которая, например, в творчестве А. Блока реализовалась как *ощущение поэтом отсутствия времени, цепененья*: «Глухая

полночь. Цепененье / На душу сонную легло. / Напрасно жажду вдохновенья / Не бьется мертвое крыло» («Глухая полночь. Цепененье...», 1899); в произведениях О. Мандельштама как ощущение возникшей *пустоты*: «Твой мир болезненный и странный, я принимаю, пустота» («Слух чуткий парус напрягает...», 1910); у А. Белого отразилось в мотивах *снеговерченья, мелькания* «злых мимов», безграничных *пустых* пространств: «О тень моя: о тихий братец, / У ног ты – вот, как черный кот: / Обманешь взрывами *невнятиц*; / Восстанешь взрывами *пустот*» («Первое свидание», 1921).

Являясь центральной темой в творчестве многих русских поэтов и философов первой трети XX века, дурная бесконечность возникла как результат духовного вакуума эпохи, утраты возможности или нежелания обратиться к бесконечности актуальной.

Временная потеря традиционных отечественных ценностей, пессимизм и трагизм, стихийность и попытка овладения ею и, как следствие этого, возникший вопрос о смысле существования человека на земле – атмосфера литературы первой трети XX века. Вполне закономерно, что генезис многих философских работ и ряд мотивов в поэзии этой эпохи восходит к увлечению мироощущениями древней Индии, учениями Гераклита и Платона о вечном круговращении вселенной, Ницше о вечном возвращении и, наконец, Шопенгауэра о дурной бесконечности.

Сопrotивление дурной бесконечности и, одновременно, устремленность к гармоничному, целостному миру (или актуальной бесконечности), пожалуй, одна из важнейших тем русской литературы первой трети XX века, рассмотрение которой позволяет лучше понять поэтические концепции многих авторов.

В параграфе **4. Художественное онтологическое пространство как термин** выявлена структура *онтологического пространства*, сложившаяся при функционировании библейского дискурса в русской поэзии первой трети XX века, определены пространственные соотношения и идейно-смысловые доминанты:

- *глубина (тайна, море)*, через которую познается *полнота бытия*: «Он уходил, а там *глубоко* / Уже вещал ему закат / К земле, оставленной далёко, / Его *таинственный* возврат» (А. Блок «В передзакатные часы...», 1901, 1915), «Будто с Божьих высот, с заповедных *глубин*, / Все завесы над миром упали...» (Ю. Балтрушайтис «Запылала заря перед шествием дня!»), «Ту тишину *глубокого покоя* / И этот голос, – и вспомню вечность, / И мёртвые века, и время наше, / Живущий век, и звук его» (Вяч. Иванов «Бесконечное»), «Зерно *глубокой*, полной веры» (О. Мандельштам «Люблю под сводами седая тишины...», 1921), «Евангелья *морского дна*» (Б. Пастернак «Вариации. Подражательная»).

- *свет (день)*, выполняющий особую структурирующую роль в поэтическом сознании первой трети XX века: «И в вечном свете, / вечном звоне / Церквей смешались купола» (А. Блок «Я долго ждал – ты вышла поздно...», 1901), «И дрогнет тьма! И вспыхнет на востоке / *Воскресший Свет!*» (И. Бунин

«Бальдер»), «Жадно ищущая душа / В область нетленного дня (Ф. Сологуб «Белая тьма созидает предметы...», 1897), «Светлый меч нам вскроет двери / Ослепительного Дня» (А. Блок «Так. Я знал. И ты задул...», 1903), «Свет в круглой храмине под куполом в июле, / Чтоб полной грудью мы вне времени вздохнули / О луговине той, где время не бежит» (О. Мандельштам «Вот дароносица, как солнце золотое...», 1915);

- моделирование пространства *крестом*, организующим поле святости: «Но руки их смелой рукою / Сложил я в спасающий крест / И вывел их верной тропюю / Из этих пугающих мест» (Ф. Сологуб «Какие-то светлые девы...», 1896), «И о кресте, горящем над вьюгой...» (А. Блок «Роза и крест», 1913), «Благодарим / За то, что Жизнь из чаши неисчерпной / Пьёт Твой Потир; / За то, что Ночь во все концы пронзает / Лучи Креста» (Вяч. Иванов «Тебе благодарим»), «Может, мне всего дороже / Тонкий крест и тайный путь» (О. Мандельштам «Душный сумрак кроет ложе», 1910);

- *обратимость* совершающихся процессов (*круг, семя*): «И бытия возвратное движенье»; «Только верить хочешь всё, / что на склоне лет / Ты, душа, воротись / В самый ясный свет» (А. Блок «На небе зарево. Глухая ночь мертва...», 1900; «Всюду ясность Божия», 1907, 1908), «Я жду: вернётся полночь эта» (Вяч. Иванов «Ночь в пустыне»), «Я был, я есмь, я буду снова! / Предвечно странствие моё» (М. Волошин «Я верен тёмному завету...» 1910), «Я, быть может, не умер, быть может, / проснусь – / Вернусь!» (А. Белый «Друзьям», 1907) и т.д.;

- осознание *двоемирия* как *единства* двух способов бытия: «Потир земли, потир небес / Испили мы до дна» (Вяч. Иванов «La selva oscura»), «Как узор в единой ткани, / Сочетается без грани / Свет небес и свет земной...» (Ю. Балтрушайтис «Звездным миром ночь дохнула...»), «Серафимы, ясны и крылаты, / За плечами воинов видны» (Н. Гумилев «Война», 1914);

- *полнота* и радость бытия, желание соединить, осмыслить прошлое, настоящее и будущее: «В мучительном томлении / Мы ищем полноты, / Но строим жизнь в дроблении / Усилья и мечты...» (Ю. Балтрушайтис), «Весь трепет жизни всех веков и рас / Живёт в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас» (М. Волошин «Дом поэта»), «Я вижу, слышу, счастлив – всё во мне!» (И. Бунин «О счастье мы всегда лишь вспоминаем...»).

Память в творчестве поэтов осмысливается как возможность сосуществования времён, победа жизни над смертью.

Исследование текстов позволило установить, что для художественного онтологического пространства в русской поэзии первой трети XX века характерно системное единство, которое состоит из свойственных ему доминантных библейских образов. Художественное *онтологическое пространство* – это пространство, сформированное библейским текстом. Оно может «проявляться» через знаки, предметы, образы, мотивы, темы или сюжеты, расположенные в пространстве художественного текста и восходящие к тексту Библии.

Во второй главе **Типы пространственно-временной организации в библейском дискурсе символистов** рассматриваются устойчивые типы пространства сложившиеся в творчестве Ф. Сологуба, А. Блока, Вяч. Иванова, А. Белого. Исследуется генезис возникновения обозначенного типа пространств (*линейного пути* Сологуба, антиномичного образа *круга* у Блока, *креста* как пространства Вяч. Иванова, пространственно-временной антиномизм *пустоты и света* в поэтическом мире А. Белого).

В параграфе **1. Линейное пространство и Свет в библейском дискурсе Ф. Сологуба** исследование библейского пласта в поэзии Ф. Сологуба способствовало установлению генезиса и семантики некоторых устойчивых образов и мотивов в его творчестве (*пути, света, дома*).

Путь – один из концептуальных мотивов в поэзии Сологуба. Идею пути как одну из форм самопознания художником своего творчества считали важной многие литературоведы (Д.Е. Максимов, З.Г. Минц, Б. Лауер, А. Ханзен-Лёве и др.). Исследуя систему поэтических мотивов в символизме, А. Ханзен-Лёве, Б. Лауер писали о «диаволическом пути» Ф. Сологуба, о «типичном признаке диаволического характера его произведений».

Рассмотрение генезиса *пути* в творчестве Сологуба позволило нам прийти к следующим выводам. Жизнь человеческая на протяжении всего творчества осмыслялась Сологубом как *путь* (не *дорога*), что по семантике перекликается с текстом Библии. Путь – одна из самых частотных лексем библейского текста, означает нравственный, духовный поиск человека. Понятия добра и зла в библейских текстах выражаются определениями: *светлый, правый, святой, чистый, непорочный* и *худой, темный, левый, кривой* и др. Например, в Псалтири повествуется о двух путях, открывающихся человеку, – пути добра и пути зла: *Яко весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет* (Пс. 1: 6). *Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет; Ходяй по пути непорочну, сей ми служаше* (Пс. 100: 6). *Ходящий непорочным путем служит Господу*.

Можно утверждать, что все творчество Сологуба так или иначе посвящено странничеству, «томительному пути», поиску своей «тропы» в «житейской пустыне». В лирике поэта содержатся необходимые атрибуты восхождения к вечности: «посох», «дорога», «путь», «сухая тропа», «стезя», «пустыня».

Некоторые определения пути в творчестве поэта представляют собой парафразы библейского текста. Например, выражение Сологуба «жестокое пути бытия»: «*По жестоким путям бытия / Я бреду, бесприютен и сир, / Но зато вся природа – моя, / Для меня наряжается мир*» («*По жестоким путям бытия...*», 1890), возможно, восходит к известной библейской фразе «*Аз сохранил пути жестоки*» (Пс. 16: 4), что в библейском контексте означает *Я жил по заповедям Божьим*. Насколько значение отдельных слов и образов библейского текста было близким и востребованным для Сологуба при создании поэтических произведений – вопрос отдельный и интересный. В «*Полном церковно-славянском словаре*» Г. Дьяченко «жесток» означает

«сухой, изсохший; твердый, крепкий, худой, тупой, жестокий, суровый, грубый». Слово «жесток» в данных значениях частотно в поэзии Сологуба при размышлениях о жизненном пути. Приведем примеры функционирования мотива *пути* в лирике Сологуба: «Жизнь моя *над суетою* / Вознеслась, земле чужда, / *Предначертанной стезёю*, / Непорочная звезда» («Дни безрадостно-пустынны...», 1898); «Устав брести *житейскою пустыней* / Но жизнь любя, / Смотри на мир как на непрочный иней, / Не верь в себя» («Устав брести *житейскою пустыней...*», 1893); «Нет, хоть и *темный*, / *Путь* мой – будет *правым*» («Вновь неудачи...», 1893); «А я в тиши, во тьме блуждаю, / И в лабиринте изнемог / И уж давно не понимаю / *Моих обманчивых дорог*» («Царевной мудрой Ариадной...», 1896); «В *путях томительной печали* / Стремится вечно род людской / В недосыгаемые дали / К какой-то цели роковой, / И создаёт неутомимо / Судьба преграды перед ним, / И всё далёк от пилигрима / Его *святой Ерусалим*» («Пилигрим», 1896); «Не нашёл я *дороги* / И в дремучем лесу / Все былые тревоги / Осторожно несусь ... / Избавление чую, / Но *путей* не ищусь, – Ни о чём не тоскую, / Ни на что не ропщу» («Не нашёл я дороги», 1896); «Но руки их смелой рукою / Сложил я в *спасающий крест* / И вывел их *верной тропою* / Из этих пугающих мест» («Какие-то светлые девы...», 1896); «В нашем, в ином ли твореньи / К *истине есть ли пути*, / Или в бесплодном томленьи / Надо идти?» («Злое земное томленье...», 1896); «И *тихий путь* твой не лукав» («Ты ничего не говорила...», 1898); «Слабеют силы / Трудней идти, / Но *не унылы мои пути*» («Слабеют силы...», 1898); «И *нет пути* передо мной / К *стране*, вотще *обетованной*» («Суровый звук моих стихов...», 1899); «Ангел благого молчанья / <...> В тяжкие дни утомленья, / В ночи бессильных тревог / Ты отклонил помышленья / *От недоступных дорог*» («Ангел благого молчанья», 1900).

Устойчивый повтор слова *путь* в лирике Сологуба позволяет прочитать разрозненные фрагменты как единый поэтический текст, в котором можно выделить следующие смыслы:

- поиск пути – это поиск истины, смысла бытия;
- обретение пути – одна из главных мыслей автора;
- путь праведный («жестокие пути бытия», жизнь по заповедям) сулит одиночество;
- земной путь героя – это путь долгий, утомительный и мятежный; путь сомневающегося человека, ищущего и, порою, не находящего смысла бытия, но человека воспевающего бытие;
- путь креста – «верный», путь греха – «скользкий»;
- прямой, нелукавый путь – «тихий».

Множество противоречий в тексте Сологуба (например, жизнь – «темна» и «хороша», путь «темный» и «правый») позволяет сделать следующий вывод: автор понимал и принимал идею крестоношения, но, порою, сознательно спорил с Богом («Как я с тобой ни спорил, Боже, / Как на тебя ни восставал, / Ты в небе на змеиной коже / *Моих грехов не начертал*» («Как я с тобой ни спорил, Боже...», 1922).

Другим важным (концептуальным) мотивом в поэзии Ф. Сологуба становится мотив *Света*. *Свет* как онтологическая доминанта в раннем и позднем творчестве Ф. Сологуба противопоставляется рассудочной *плоскости*. Поэтом часто изображаются картины, где можно наблюдать противоборство света и тьмы, недостижимость света или исходящее от него утешение. «Я жду, и жизнь моя темна, как смутный бред. / Толпятся чудища перед заветным кругом / И мне грозят они, и *затмевают свет* / И веют холодом, печалью да испугом. / Сгорает день за днём, за ночью тлеет ночь, – / Мерцает впереди *непостижимым светом* / Гора, куда взойти давно уж мне невмочь» («Придѣшь ли ты ко мне, далѣкий, тайный друг?», 1897); «Не от мира исходит *утешающий свет*. / И не к жизни приводит / Нерушимый завет» («Утешающий свет», 1897); «Белая тьма созидает предметы / И обольщает меня. / Жадно ищу я душою *просветы* / В область *нетленного дня* / Кто же внесѣт в заточенье земное / *Светоч*, пугающий тьму?» («Белая тьма созидает предметы...», 1897); «А потому, что в мире нет / Моим мечтам достойной цели, / И только ты, *нездешний свет*, / Чаруешь сердце с колыбели» («Мечты о славе! Но зачем...», 1898); «И если верный ученик / В тебе воскреснет – ток прозрачный / Рассеет сон неволи мрачной, / Ты станешь светел и велик» («Все были сказаны давно...», 1904); «У тебя, милосердного Бога, / Много славы, и *света*, и сил» («Расточитель», 1917).

Таким образом, семантика онтологического света в творчестве поэта представлена следующими основными смыслами:

- «чудища» (бесы) затмевают свет, их присутствие передается через испуг, холод и печаль;
- свет – у Бога;
- свет – небесная категория, дарующая жизненную силу.

Важно, что анализируя поэтические тексты Ф. Сологуба, мы пришли к выводу об активном функционировании библейского дискурса в творчестве поэта. Поэтический мир Сологуба содержит две реальности: онтологическую (представленную мотивами *преображения*, фаворского света, нетленного дня, света как противоборства тьмы), ассоциирующуюся с образом Христа, и обычную, вещественную, относящуюся к свету земной действительности, суетного дня.

В параграфе 2. исследуется **генезис круга в творчестве А. Блока**, предлагается интерпретация поэмы «Двенадцать» в аспекте библейского дискурса. Рассмотрение ряда ранних, созданных до поэмы произведений поэта и показанная их взаимосвязь выявили и «причину» появления образа Христа в поэме.

Обращение поэта к теме кругового движения обусловлено мироощущением эпохи, отразившимся, как известно, в творчестве многих поэтов и философов: «Всѣ кружится, всѣ скользит в мертвенную бездну» (Флоренский П. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., 2012. С. 17). В глубокой работе «Словоупотребление в русской поэзии начала XX века» (1986), рассматривая лексические значения

кругового движения, Н.А. Кожевникова пишет, что генезис круга в творчестве А. Блока восходит к идее «вечного возвращения» Ницше, к образу из Экклезиаста: «все возвращается на круги свои» и приводит цитату из Блока: «круг постылый бытия».

Исследуя поэтические тексты А. Блока в библейском аспекте, мы пришли к выводу, что идея *круга, кружения* в поэтике Блока – это сложный поиск пути лирического героя к вечности, «скитанье без конца», «таинственный возврат»: «На молодых весенних грёзах / Подстережёт меня недуг, / Для опочившего на розах / Замкнётся жизни *светлый круг*» («Под вечер лет с немым вниманьем...», 1900, 1920); «Я пытался разбить *заколдованный круг*, / Перейти за черту оглушающей тьмы» («Ночь грозой бушевала, и молний огни...», 1900, 1908).

Пристальное внимание А. Блока к *круговому* течению времени на протяжении всего творчества: от ранней лирики до знаменитой поэмы «Двенадцать», пожалуй, объяснимо желанием поэта понять смысл пространства бытия / небытия (для человеческого разума вопрос почти неразрешимый).

Для решения вопроса о генезисе устойчивых мотивов в творчестве Блока, образов (в частности *круга, кружения, вихря, кровавого отсвета*) важен следующий факт: поэт при создании концепции «круговой» структуры пространства опирался не только на текст Библии и «строение дантовского ада» (выражение З.Г. Минц), но и на поэзию заговоров и заклинаний. Теме *кружения* в статье «Поэзия заговоров и заклинаний» Блок посвятил целый этюд (см. Блок А. Поэзия заговоров и заклинаний // История русской литературы. М., 1908. С.91). «Мор, смерть, любовь», «тёмные дьявольские силы», «нож» и «человек, застигнутый вихрем в дороге», крест (Христос), – те образы и мотивы, которые войдут позже в поэму Блока «Двенадцать». Образ Христа (хотел того сознательно поэт или не хотел) должен был возникнуть в финале поэмы как антиномия стихиям зла, фольклорный вариант «добро побеждает зло», как библейское из Екклесиаста: «Все возвращается на круги своя».

В поэме Блока «Двенадцать» в народной стихии (народном сознании) нет Христа, что вполне объяснимо атмосферой настоящего для поэмы времени.

Христианство в Библии (Евангелии) осмыслено как Путь: «Глагола ему Иисус: Аз есмь путь и истина и живот: никтоже приидит ко Отцу, токмо мною» (Ин. 14: 6), т.е. истинный путь по Библии – Христос. Без Христа – вечное «кружение», о котором Блок «догадывался» гораздо раньше, когда писал о поэзии заговоров. В стихотворении А. Блока «Сочельник в лесу» (1912) лирический герой знает, где искать истинный, «неложный» путь. Он исходит от света Рождества: «Так легко, как снежный пух, / Рождества крылатый дух /<...>/ Чтоб от света малых свеч / Длинный луч, как острый меч, / Сердце светом пронизал, / *Путь неложный указал*». Путь в сознании лирического героя произведений А. Блока теряется, потому что теряется Память, то, что способно выводить человека из состояния небытия: «Рожденные в года глухие / *Пути не помнят своего*» («Рожденные в года глухие...», 1914). В статье «Безвременье» (1906) поэт пишет: «Горе тому, кто заглядится в стеклянный астральный взор.

Он обречён на *игру случайностей*, на *вечное кружение* среди хлопьев, улетающих *во мрак*. Он *застынет* в ликовании вьюги, и не будет исхода из великой радости над великой пустотой».

Обычно в состоянии вьюги движение человека прекращается. Однако «двенадцать» в поэме идут *державным* шагом. Но идти державным шагом без Христа невозможно. Если обратиться к семантике этого слова, то «державный» – сильный, могучий; избранный, превосходный, приятный, усладительный (Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 2001. С.141).

Поэт пытался соединить несоединимое. Земная действительность говорила о *воцарении* «двенадцати», поэтому и появилось в поэме выражение «державным шагом», т.е. царским. Так «внезапно» в поэме возникает образ Христа – «Царя славы». Блок был удивлен появлением в поэме Христа. Поэт оказался в противоречии со своей же мыслью, что «стихия выше человека» – мысль, которую он раньше развил в статье «Душа писателя» (1909): «... ты идешь в меру своих сил, <...> ты бескорыстен и, значит, – *можешь стать больше себя*». Поэма «Двенадцать» начинает жить самостоятельной жизнью, больше не подчиняясь воле художника.

Однако возникновение образа Христа в поэме Блока было закономерным. Христос в творчестве Блока – доминирующий образ, к которому поэт обращался и в раннем, и в позднем творчестве: «А я, ничтожный смертный прах, / У ног твоих смятенно буду / Искать в глубоких небесах / Христа, учителя Иуды» («Сомкни уста. Твой голос полн...», 1899); «Вознесусь душой нетленной / На неведомых крылах. / Сердцем чистые блаженны – / Узрят Бога в небесах» («Новый блеск излило небо...», 1900, 1915); «И вопреки хулам и стонам, / Во храме, где свершалось зло, Над пламенеющим амвоном / Христово сердце расцвело» («Напрасно я боролся с Богом...», 1900, 1914).

Приведенные выше примеры, переложенные на рационально-логический язык, содержат следующие смыслы:

- буду искать Христа, несмотря на смятение, противоречие с собственным «я»;
- чистые сердцем еще на земле, в собственном сердце, могут узреть Бога;
- Христос всегда в храме, даже если в нем совершается зло.

Образ Христа в поэме «Двенадцать» создан весьма противоречивым, потому что его явление в поэме стихийно. Д.Е. Максимов в работе «Поэзия и проза Александра Блока» (1981) называет его «необходимым» по замыслу поэмы, но «зыбким и двоящимся».

В дневнике от 10 марта (25 февраля) 1918 года Блок пишет о появлении в поэме Христа: «Я только констатировал факт: если взглядеться в столбы метели на *этом пути*», то увидишь «Исуса Христа».

Вьюга-крест-смерть – триада, встречающаяся в раннем творчестве Блока, задолго до написания «Двенадцати». В сознании поэта вьюга и крест – те неразрывные величины, которые не могут существовать друг без друга. Например, в ранней лирике, в стихотворении, написанном 8 января 1907 года, читаем: «Вьюга строит белый крест, / Рассыпает снежный крест, / Одинокий

смерч / <...> / И вздымает вьюга смерч, / Строит белый, снежный крест, / Заметает твердь... / Разрушает снежный крест / И бежит от снежных мест ... / И опять глядится смерть / С беззакатных звезд ...» («И опять снега», 1907). В лирической драме «Роза и крест» (1913) в песне Бертрана вновь сосуществуют *крест* и *вьюга*: «Странная песня о море / И о *кресте*, горящем над *вьюгой*...».

Объясняя поступок своего лирического героя и возможности дальнейшего развития образа Изоры в драме «Роза и крест», поэт в комментариях «К постановке <драмы> в Художественном театре» (25 мая 1915) говорит о христианской любви Бертрана: «...может быть, наконец, её судьба совсем не сходна с судьбою человека, который любил её *христианской* любовью и умер за неё как *христианин*, открыв для неё своей смертью новые пути» (курсив Блока).

В стихотворении «Не бойся умереть в пути...» (1902, 1915) поэт говорит о кратковременном пребывании человека на земле, о силе страха перед смертной болью и других его «гранях». Преодоление любого страха и, в том числе, страха перед смертью Блок считает возможным, если «внимать словам церковной службы»: «Не бойся умереть в пути. / Не бойся ни вражды, ни дружбы. / Внимай словам церковной службы, / Чтоб грани страха перейти».

Важно, что *крест* в миропонимании Блока противопоставлен *смерти*, страху. Видимо, то противоборство, сомнение (с Христом или нет), возникшее в душе поэта, и отразилось в его ранней, зрелой и поздней лирике: *созидание и разрушение креста вьюгой*.

Появление образа Христа в поэме «Двенадцать» – правда художника. Поэт при противоречивом, иногда откровенно негативном отношении к образу Христа (см. письма к Е.П. Иванову от 15 июня 1904 г., от 25 июня 1905 г.) констатировал ту духовную реальность, которую знал по наитию и которой часто сопротивлялся логически.

Пристальное обращение поэта к *кругу* – это не условное отделение внешнего пространства от внутреннего. Это попытка понять смысл бытия, обрести свое место в вечности. Противоречивое и сложное мироощущение поэтом действительности (как физической, так и духовной) не могло найти утешения в известной фразе Екклесиаста: «Все возвращается на круги своя» или «Все суeta суeta». Слишком сильным было желание выйти за рамки обыденного и прорваться к «скрытым реальностям», часто вне рамок традиционного христианства.

В параграфе 3. **Пространственно-временная символика в творчестве Вяч. Иванова. Крест как пространство** рассмотрение генезиса и семантики «креста» как идейно-смысловой доминанты в творчестве Вяч. Иванова позволило прийти к выводу, что *символика креста*, сам образ Христа и библейский *мотив сеяния* образуют концептуальное единство художественного онтологического пространства в творчестве поэта.

Крест как пространство подчеркивает идею центра и основных направлений, ведущих от центра (изнутри вовне), является высшей ценностью

системы, иерархизирует и сакрализует все пространство, определяя в нем линии и направления связей и зависимостей (см.: Топоров В.Н. Крест // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1991. С. 12).

Образ креста устойчив и, одновременно, полисемантичен в творчестве Вяч. Иванова. В статье «Две стихии в современном символизме» поэт, рассуждая о символе, говорит о неоднозначном содержании символа креста, указывает, что крест означает не только «жертву искупительного страдания».

Применяя методику исчисления смысловых долей Е. Верещагина при анализе семантики слова *крест* и учитывая функционирование лексического фона вокруг этого слова, мы определили следующий семантический диапазон символики креста в поэтической концепции Вяч. Иванова:

- *тема Голгофы* – одна из центральных в творчестве поэта: «Воспоминаний злых и поздних сожалений, / Надменной юности беспечных преступлений, / Мой тяжкий крест влача, – то был мой горький сон, – / Язвим раскаяньем и сердцем сокрушён, / Тропой обрывистой наверх Голгофы новой / Я шёл» («Незримый крест»); «В душе – Голгофа и могила, / И спор, и смута, и вопрос...» («Суд огня»);

- *земная жизнь как несение креста*, восприятие земного пространства как заточения: «Незримая! Не ты ли дышишь мной, / И купою цветёт благоуханной / Бесплодный крест моей тюрьмы земной?» («CRUX FLORIDA»);

- *крест как безмерно простирающееся пространство*: «Ширококрылый крест открыл тебе объятья! Ты улыбаешься, ты вечно впереди, – / И ты же розою цветёшь в моей груди... » («ROSA IN CRUCE»); «Ток стрелкой неуклонной / Вселенский крест в небесный вписан круг... / О крест пространств! Разлуки крест! Ветров / На том кресте живая роза дышит / И, сея душ посев, волну костров / Средь плача тризн во все концы колышет. / И мир цветёт разлукою Креста...» («Роза ветров»).

Понимание смысла бытия в творчестве Вяч. Иванова неизбежно связано с символикой креста как принадлежности *кругового пространства*. Так строчка из стихотворения «Роза ветров»: «Вселенский крест в небесный вписан круг...» («Роза ветров») восходит к известному изображению «египетского иероглифа» (выражение Вяч. Иванова): «Так! «Жизнь» вещал, власть круга дивно слив / Со властью двух крестных черт победной, / Египетский святой иероглиф» («Врата»).

В творчестве Вяч. Иванова крест часто выступает как солярный знак, т.е. с семантикой «солнца», что довольно устойчиво связано и со славяно-русской традицией, в которой *солнце* – известный и давний символ вечности. В стихотворении Вяч. Иванова «Солнце» оно символизирует Творца во всем действующего и все в себе заключающего: «Спит губительно в корнях омега / Солнце. / Альфа мира, сеть в ночь твоя услада, / О свершительная мощь, Омега – / Солнце!» («Солнце»).

Употребление букв греческого алфавита – Альфы и Омegi – указание на замкнутость начал и концов в Божественном круге вечности. В Апокалипсисе

встречается следующая фраза: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Апок. 1: 8).

- *крест – распятие за ближнего*: «Я ж, за него крушась и изнывая, / Летел к нему, столь жалостью влекомый, / Как бы страдала плоть моя живая. / И были мне таинственно знакомы / Сей лик, и плащ, и ратный сряд Дамаска... / Томился он – и я пил оцт истомы» («Миры возможного»);

- *крест – ощущение выбора, распутья*: «Русь! <...> За то, что ты стоишь, немея, / У перепутного креста, / Ни Зверя скиптр подъять не смея, / Ни иго лёгкое Христа» («Месть мечная»).

Другим частотным мотивом пространственно-временной символики в творчестве Вяч. Иванова является *мотив сеяния*. Установить генезис мотива *сеяния (семени)*, *жатвы* в творчестве Вяч. Иванова достаточно сложно. Отчасти он восходит к тексту Библии, к известной притче о сеятеле, встречающейся в Евангелии от Матфея (13: 1-23), Марка (4: 1-20), Луки (8: 4-15), где под сеятелем символически подразумевается тот, кто сеет (проповедует) слово Божье. В другом случае, посев в творчестве поэта уподобляется мужскому семени. Семантически мотив сеяния близок к разрешению вопроса вечной дихотомии: жизни / смерти, темы *возрождения* тварного (земного) мира: «Но Небом был зачат / Наш темный – Титанов падших племя / И Солнца семя, / Прозябнув в нас, осветит / Твой лик, о Мать !.. Ах, если Свет, что светит, / В себе распят, – / Пусть Дух распнет нас, кем твой свет зачат!» («Темь»); «Дабы в душе чужой, как в нови, / Живую врезав борозду, / Из ясных звезд моей Любви / Посеять семенем – звезду» («Подстерегателю»); «Ты – родилась; а я в ночи, согретой / Зачатьем недр глухих, – / Я умер, семя нивы колыбельной, / Душой в себе раздельной, / С собою влачащей гроб того же тела, / Откуда отлетела / Желаний мощь» («Канцона I»); «Кто в тленье сеет, в тленьи тот и в смраде / Прозябнуть должен ...» («Феофил и Мария»); «Великий день священного покоя / Родимых нив, созревших для серпа!» («Тихая жатва»).

Рассмотрение библейского мотива «семени» позволило сделать следующие выводы о семантической наполненности образа *семени* в поэтической концепции Вяч. Иванова:

- прозябать (от цкл. «прозябати» – прорасти), возрождаться способно то, что имеет в себе Свет и Дух;

- проращение к истине (Свету) возможно лишь через распятие, жертвенную любовь;

- сеяние семени символизирует начало новой жизни, возрождение души от земной косности;

- человек – семя. Начало жизни (колыбель) и смерть как необходимые составляющие бытия, их схожесть и закономерность, символика начала и конца;

- жизнь и любовь способны продолжаться в иной, надмирной, реальности;

- мотив семени как начало творения, создания нового мира (мира инобытия), несущего отголоски прежней земной жизни.

В статье «Два лада русской души» поэт по-библейски объясняет смысл существования бытия: «Семя, умершее в темных глыбах, должно воскреснуть» (см.: Иванов Вяч. Два лада русской души // Иванов Вяч. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 352).

Мотив *сеяния* – один из центральных мотивов в поэтике Вяч. Иванова. Семантика сеяния (семени) связана со Христом («Солнца семя, / Прозябнув в нас, осветит»), возрождением в новой жизни, «прорастанием» из одной реальности бытия в другую.

В параграфе 4. **Пространственно-временная антиномия пустоты и света в поэтическом мире А. Белого** при исследовании семантического диапазона слова *пространство* в творчестве поэта были выявлены следующие виды пространств:

1. *Линейное* пространство (плоскостное), земное. «В пространство бежит-убегает / Далёкая лента шоссе» («Шоссе», 1904); «Дали родные / Телеграфная тянется сеть – / Там – в пространства твои ледяные / С буреломом осенним гудеть» («Из окна вагона», 1908); «В пространствах, где вспыхивал пламень, / Повис сиротливый дымок» («Каторжник», 1906-1908).

2. *Минус-пространство* (выражение В.Н. Топорова) – доминирующий вид пространства в поэтике А. Белого, символизирующий разрушение, *пустоту*, смерть: «Проносится над тайной жизни / Пространств и роковых времён / В небесно-голубой отчизне / Легкотекущий, дымный сон» («Жизнь», 1908); «В пространство пади и разбейся / За годом мучительный год! / Века нищеты и безволя / Позволь же, о родина-мать, / В сырое, в пустое раздолье, / В раздолье твое прорыдать...» («Отчаянье», 1908); «Рассыплются дождём симфоний / В пространствах горестных, земных» («Обет», 1907); «Пространство чёрное, ударь, – / Мне в грудь ударь мечом разящим» («Я это знал», 1908); «Над сетью серых ёлок / Летит в провал пространств / Иных, пустых, ночных...» («Прости», 1908); «Мы – умерли, / Мы – / Поверья: / Нас кроют *столетий рвы*» («Перед старой картиной», 1909); «Я переломлен, переполнен / Переполохами пустот, / Как тени пустолётный конус, <...> Вставайте морочные смены, / Пустовороты бытия, / Как пусто лопнувшие пены, – / Да, вас благословляю я!» («Первое свидание», 1921).

Рассмотрение приведенных примеров *минус-пространства* как единого текста, позволило выделить следующие смыслы:

- быстрое течение земного времени напоминает сон;
- года разбиваются, могут быть стерты в бесконечном пространстве;
- человек может быть стерт, поглощен, взят или *сломан* пространством;
- восприятие времени как части пространства: *столетий рвы*;
- согласие-отчаяние с ходом жизни, со всем ее закономерным порядком.

Таким образом, через соотношение *Я и пустота* прослеживаются черты героя, потерявшего себя, с характерной для подобной ситуации надломленностью, отсутствием лица. Ощущение затерянности в пространстве,

безысходность от обилия пространств и необретение своего места в них, неустроенность – основные мотивы в поэтических текстах А. Белого.

Закономерный ход бытия, ощущение *дурной бесконечности*, рокового движения времени в пространстве «без начала и конца» передается через круговое движение времени: «1. Это была как бы большая птица... в печали. И печаль не имела конца. 2. Эта печаль прокатилась тысячелетия. Тысячелетия лежали впереди» («Симфония» 2-я драматическая, 1901).

3. Доминирующему минус-пространству в поэтической концепции А. Белого противостоит *пространство высокое, огневое*, способное спасти от узкого, замкнутого пространства: «А колокольные кресты / Сквозь зеленеющие ели / С непобедимой высоты / На небесах заогневели» («Свадьба», 1905-1908); «Мне говорят, что я – умру, / Что худ я и смертельно болен, / Но я внимаю серебру / Заклокотавших колоколен» («В темнице», 1907).

Столкновение сакрального и обыденного, их разность, тоска от плоскостного, расчетливого – основной мотив творчества А. Белого. Не случайно в поэме «Первое свидание» появляются библейские образы Марии и Марфы, воплощающие духовное и суетное (земное) начала: «Души – Марию зрящей Марфы – / Из *просветлённой* глубины» («Первое свидание», 1921).

Категория света, как видно из приведенных примеров, была особенно дорога А. Белому. Встречающееся в поэтических текстах А. Белого выражение *Свете тихий* семантически родственно слову *покой*, поэтому вполне закономерно рассмотреть категорию *пустоты* в творчестве поэта как контекстуальную антиномию слову *покой*. Семантически *пустота* в поэтическом мире Белого – это, прежде всего, отсутствие смысла, а не географическое пространство. Вновь встает антиномия покоя (*тихий братец*) и беспокойства-пустоты (*взрывы пустот*): «О тень моя: о тихий братец, / У ног ты – вот, как чёрный кот: / Обманешь взрывами невнятиц; / Восстанешь взрывами пустот» («Первое свидание», 1921).

Мотив *пустоты* сознательно (а может быть, и нет) проходит через весь текст поэмы «Первое свидание», где поэт разгадывает генезис и следствие пустоты. Пустота в творчестве Белого – это внутреннее пространство героя, его мироощущение, часто характеризующееся безысходностью и бесцельностью окружающего. Этот постоянно движущийся, меняющийся, несущийся хаотичный мир, («злые мимы» – неологизм Белого) изображен поэтом как снеговой вихрь бытия, в который вверчено многое: дома, улицы, человек и само время. Ощущение внутренней пустоты, одиночества неизбежно распространяется и на внешнее восприятие действительности: «Вы – подойдите, я – оломлен; / Вы – отойдите, я – не тот: – / Я переломлен, переполнен / Переполохами пустот».

Причина возникновения пустоты объясняется в творчестве А. Белого неожиданно по-пушкински (известное стихотворение А. Пушкина «Бесы»). Потеря целостности, радости бытия – признак «страшного мира», иной потусторонней действительности, неизбежно характеризующейся отсутствием покоя и быстрой сменой, «калейдоскопом» (или суетой) окружающего мира: «И

я – изъятьем лицевым, / Дробимый, сумеречный, хмурый, / Несусь по кучам снеговым; / Из ног случайного повесы / Тянусь – бесвесый, никакой: / Меня выращивают *бесы* / Невыразимую тоской...» («Первое свидание», 1921).

«Меня выращивают бесы / Невыразимую тоской...» – это тоска по свободной жизни, не знающей ограничений, попытка собственного, хаотичного познания инобытия, желание ощущения *полноты жизни* и ненахождение ее.

Пространству тьмы в поэме «Первое свидание» (1921) противостоит пространство света. Контекстуальным синонимом пространства света становится слово *молитва*. Свет в творчестве Белого – категория удерживающая прошлое («всё, что было») от бездны, уничтожения, распада: «И всё, что было, всё, что есть – / Снеговерченье ясных далей, / Светомоленье светлых вестей / Переплетание спиралей!» («Первое свидание», 1921).

Обыденная жизнь, движимая «рассудком, свинойрылым комиком» (или в контексте Белого – тьма) вне жизни духа обречена на уничтожение в небытие (но не в покой!): «Переварив дары природы / Тупыми животами, – мы / Перетопатываем годы; / И утопатываем в тьмы» («Первое свидание», 1921).

Другое развитие антиномии *свет – тьма* (полноты бытия – пустоты) происходит при изображении пространства за «оградой» и пространства мира. Пространство внутри монастыря становится *неограниченным* пространством, оно отличается бездонностью и ширью: «И – возникает в неба ширь / Новодевичий монастырь»; «Там бездна – вверх, и бездна – вниз / Из бледных воздушных и риз» («Первое свидание», 1921). Небесное (и все, что с ним связано) в творчестве поэта относится к высшей реальности, свободе без конца (*бездна – вверх, и бездна – вниз*). Пространство земное, обыденное – замкнутое пространство. В поэтическом сознании Белого оно отождествляется с тюрьмой: «Из мира, суетной тюрьмы, – / В ограду молча входим мы...».

Двойственная природа человека, его принадлежность к двум мирам (развитие тютчевской темы в творчестве А. Белого) предстает в образе сердца – устойчивого символа, средоточия человеческой сути. В поэме оно названо, во-первых, «вещим» (т.е. из инобытия), во-вторых, «неумолчным стрижем» (из пространства земного): «Здесь, сердце вешее, – измлей / В печаль белеющих лилей; / <...> Ты, сердце, – неумолчный стриж – / Кого зовёшь, о чём визжишь?».

При рассмотрении библейского дискурса в поэтических произведениях А. Белого, мы выделили пространственно-временные категории *пустоты* и *света* (как заполненного пространства). Являясь контекстуальными антиномиями, смысловыми оппозициями, они достаточно стабильны на всем протяжении творчества поэта. Так, в стихотворении «Во храме» (1903) и в поэме «Первое свидание» (1921) основная смысловая оппозиция *пустоты-света* неожиданно разрешается возникновением оксюморона «неутихающий покой», образует картину *тихого света*.

Присутствие в произведениях А. Белого библейского текста, знаковых черт церковнославянской книжности, гимнографических текстов, каноничное, в духе славяно-русской традиции, отношение к важным категориям бытия

(смерти, вечности) позволяет признать глубокую структурную основу национальной модели, сложившейся в мировоззрении автора.

Третья глава Пространство и время в лирике постсимволистов посвящена рассмотрению специфики восприятия пространства и времени в поэтических концепциях акмеистов (Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама), М. Волошина, Ю. Балтрушайтиса.

В параграфе **1. Онтологическое пространство и время в поэзии акмеистов (Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам)** установлены основные особенности *пространственно-временного мировосприятия* в поэзии акмеистов:

- *эсхатологическое* отношение к *будущему*, которое воспринималось авторами по-разному: как надвигающаяся катастрофа у О. Мандельштама; ожидание преобразования земной действительности, вхождение в пространство инобытия у Н. Гумилева; приятие всех «закономерных» превращений («снова стать тобой, земля») у А. Ахматовой;

- устремленность к *реальному будущему*, которое акмеисты считали должным и истинным, приобщенным вечности, противопоставленным земному *настоящему*, существующему времени и пространству: «Солнце, сожги настоящее / Во имя грядущего, / Но помилуй прошедшее!» («Молитва», 1910). И дело даже не в оценочной характеристике настоящего: хорошее оно или плохое, важно, что оно для них неистинное;

- видение *прошлого* в настоящем, осознание того, что настоящее – это лишь продолжение прошлого – одна из ведущих мыслей акмеистов: «Всё проходит, как тень, но время / Остаётся, как прежде, мстящим, / И былое, тёмное бремя / Продолжает жить в настоящем» (Гумилев Н. «Пиза», 1912). Прошедшее время в творчестве А. Ахматовой в первую очередь связано с категорией памяти как свободы от скоротечного земного времени.

Акмеисты не отказались от прошлого. Постоянно обращаясь к прошлому, «пребывая» в нем, осознавая важность ушедшего времени, они преодолели земные границы бытия. Выстроенная проекция образов прошлого времени в настоящее и стирание временных эпох – отличительные характеристики поздней лирики акмеистов, в которой важной чертой становится историческая память библейского времени, помогающая обрести реальность своего бытия.

Настоящее не обесценивается (!) ни в творчестве А. Ахматовой, ни в творчестве Н. Гумилева, ни в творчестве О. Мандельштама («твой мир болезненный и странный, я принимаю пустота»), несмотря на осознание всей сложности и трагичности происходящего.

Земное время в поэзии акмеистов – состояние выбора, становление лирического героя, стремящегося во времени обрести вечность. В этой перспективе отмеченная субъективная игра со *временем* и *пространством* (или информационное его восприятие) выступает как занятие призрачное:

- ощущение затерянности в пространстве (у Мандельштама);

- фантазмагорический гиперболизм времени и пространства, тяготение к пространству инобытия (сны в лирике Гумилева);

- эмоционально-лирическое растяжение и сжимание его (у Ахматовой).

Подлинная временная реальность первой трети XX века требовала преодоления призрачности человеческого существования, что определило устремленность акмеистов к целостному, гармоничному восприятию мира, к сакральному миру Библии, дало возможность воссоединения двух миров (небесного и земного), осознания себя, своего назначения, преодоления чувства обычного человеческого страха перед неизбежно приближающимся концом. Осознание полноты бытия достигается в поэзии акмеистов снятием оппозиции: «здесь – там», преодолением двоимирия.

После создания акмеистами художественной картины мира, в которой беспредельное и вечное может существовать внутри лирического героя, способного «вместить» законы сакральных истин, возникает поэтическая онтология, где вечность открывается в земном пространстве и времени: «Есть Бог, есть мир, они живут вовек, / А жизнь людей мгновенна и убога, / Но все в себя вмещает человек, / Который любит мир и верит в Бога» (Гумилев Н. «Фра Беато Анджелико», 1912).

В параграфе **2. Антиномия конца и начала в библейском дискурсе М. Волошина** рассмотрение функционирования пространственно-временных категорий в поэтической концепции поэта позволило установить, что для лирического героя поэта важны два события: *смерть* и *воскресение*: «Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье – / Творящий ритм мятежного огня» («Мятеж», книга поэм «Путями Каина»). Смерть человека рассматривается поэтом как начало новой жизни.

М. Волошин был одним из первых, кто в начале XX века заговорил о *ценности человека*, о его сакральной сущности (*огненной природе*) и принадлежности к инобытию, а значит вечном существовании во Вселенной. Сущность, *природа* человека в поэтической концепции М. Волошина – огонь (как и у Гумилёва). «Ритм огня» – то, что определяет человеческую жизнь, ее «горение» и смысл.

В книге поэм «Путями Каина» антиномией к природному величию Земли и человека становится суетность преходящего дня, вытесняющая вечное и древнее: «Ротационные машины мечут / И день, и ночь печатные листы, / Газеты вырабатывают правду / Одну для всех на каждый день и час: / Но ни одной строки о человеке – / О древнем, замурованном огне» («Машина»). В главе «Бунтовщик» слышны библейская и пушкинская традиции: «Я – голос вопиющего в пустыне / Кишащих множеств, в спазмах городов, / В водоворотах улиц и вокзалов – / В безлюднейшей из всех пустынь земли». Отсутствие *Человека* в бесчисленных, «кишащих» людьми городах – одна из главных тем позднего творчества М. Волошина. Оксюморон *в пустыне кишащих множеств* передает состояние героя, его мироощущение от суетной земной жизни, духовную жажду в «пустыни мрачной».

Вслед за Ф. Достоевским М. Волошин говорит о значении *внутреннего* человека, о трагедии победы рассудка над искренним чувством, о тщетности преобразования мира только физическими действиями, внедрения материальной культуры без *пересозданья* собственной души: «Вы – суеверы, мечущие бомбы / В парламенты, и в биржи, и в дворцы, – / Вы мыслите разрушить динамитом / Всё то, что прорастает изнутри – / Из вас самих с неудержимой силой! / Я призываю вас к восстанью против / Законов естества и разума: / К прыжку из человечества – / К последнему безумью – / К пересозданью самого себя» («Бунтовщик»).

В понимании всемирной миссии России Волошин был близок к Тютчеву, к идее славянофилов. Возникновение в творчестве поэта древнехристианского символа – птицы Феникс, символизирующей вечную смерть (*конец*) и вечное возрождение (*начало*) свидетельствует о вере поэта в Возрождение России. В стихотворении «Ангел времён» мотив *конца* становится непременным условием для дальнейшей жизни: «В крушеньях царств, в самосожженьях зла / Душа народов ширилась и крепла: / России нет – она себя сожгла, / Но Славия воссветится из пепла!».

В отличие от символистов, с характерным для них абстрактным мышлением, творчеству М. Волошина присуще *нравственное сопереживание* за судьбы людей и России. В поэтическом пространстве первой трети XX века снова появляется *Человек* без маски и даже без «открытого забрала».

В книге «Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог» (2005) известный литературовед С.М. Пинаев, анализируя жизнь и творчество М. Волошина, пишет, что в своем представлении об истории М. Волошин в значительной степени ориентировался на теорию О. Шпенглера («Закат Европы»), основная мысль которой – безысходное круговращение истории и неминуемая гибель культуры, перерождающейся в механически потребительскую цивилизацию, где господствуют потребительство и голый технизм.

Генезис возникновения мотивов *конца* и *начала* в вечном круговороте человеческой жизни в творчестве поэта имеет и более древний источник: Библию. Другим источником для возникновения указанных мотивов, вполне возможно, могла стать книга «Столп и утверждение истины» Павла Флоренского, потому что в постижении библейских истин интеллигенция часто шла через чтение философских систем. Понимание смысла бытия (*конца и начала*), возведение на высоту образа Богородицы в позднем творчестве М. Волошина обнаруживает текстовые сходства с творчеством русского философа. Другим подтверждением заимствования мотивов может служить наличие в библиотеке поэта книги П. Флоренского «Столп и утверждение истины», на что указывал выдающийся волошиновед, первый директор Дома поэта Максимилиана Волошина в Коктебеле, Владимир Купченко (см.: Купченко В.П. Библиотека М.А. Волошина // Волошинские чтения. М., 1981. С. 115).

Знание философской концепции П. Флоренского, несомненно, повлияло на идею жизни и смерти человека в круге Вечности и нашло в творчестве М. Волошина несколько иное разрешение этой темы, в духе славяно-русской традиции. Преодолевая «духовные блуждания», поэт смог подняться над земными условностями человеческого существования и встать над временем. Тема бесцельного круговорота человеческих жизней и судеб, столь популярная в русской поэтической мысли первой трети XX века и возникшая в результате увлечения русской элитой философией Ф. Ницше, О. Шпенглера и др., не находит дальнейшего развития в поэтической концепции Волошина. Постигнув «трагическую мудрость земного существования» человечества, поэт видит смерть (*конец*) необходимым рубежом, через который должен пройти каждый человек и все человечество в целом, чтобы обрести жизнь в вечности. Апокалипсический дух времени, устремление к *началу* через *конец* (выражение А. Белого) – лейтмотив творчества М. Волошина.

В параграфе **3. Полнота бытия в библейском дискурсе Ю. Балтрушайтиса** анализ доминантных пространственно-временных образов в поэтических текстах Ю. Балтрушайтиса выявил следующие черты художественной концепции бытия поэта:

- присутствие библейской символики *сада* («Его простор, где много роз, / Глухой оградой я обнёс, – / Чтоб *серый прах* людских дорог / Проникнуть в храм его не мог!» («Мой сад», 1910); *дня и моря* («*День – таинство* великое, / *День – чудо* из чудес... <...> / С безмерным ликованием / Сменяются часы, / Весь мир объят *сиянием*, / Что капелька росы! / Пылает вечной славой / *Святыня бытия*, / Я в *светлом море* плаваю, / Мой парус – мысль моя!» («В горах», 1903);

- представление бытия как триады: *свет – радость (полнота бытия) – слово*: «И среди шума забот и вражды, / Где я, в рабстве, служу *бытию*, / Лишь в мерцаньи вечерней звезды / Я *утраченный свет* узнаю...» («Отчизна»); «В вечерней мгле теряется земля... / В тиши небес раскрылось мировое, / Где блещет *ярче пламя бытия*, / Где весь простор – как *празднество* живое!» («На пороге ночи», 1903). Осознание полноты бытия приходит к герою через сознательное преодоление трудного земного пути и восхождение к вечному Слову, которым когда-то был создан мир: «Вскрывались дни, часы цвели – / И брел я, в поте и в пыли, / На зов Отца, межой земли... / И строя миг по мере сил, / Я лишь упорным словом жил, / О восходах вечности тужил... / Я цвел с Творцом в Его цвету, / И знаю: в *божью полноту* / Свой смертный колос я вплету» («Межой земли», 1914).

- видение «великого в малом», отражение небесного в земном: «Ни тревог, ни мира нет... / В *миге – много тысяч лет*...» («Элегия»). Малый «охраненный» земной локус способен вместить простор вечности: «Мой дом, мой кров – безлюдная безбрежность / Земных полей, / Где с детским плачем сетует мятежность / Души моей» («Чёрное солнце», 1908).

- восприятие земного пространства-времени как замкнутого и скоротечного, но способного видоизменяться (раскрываться) в состоянии

душевной скорби: «Людская жизнь – мгновенья, годы, сроки, / Счёт дней и дней, – / В земной тоске *раскрыт* весь мир широкий, / Вся вечность – в ней!» («Вечерняя песня», 1909).

- восприятие небесного пространства как раскрытого, «полного»: «Со всех сторон ночная даль горит, / Колебля тьму пред взором ненасытным... / Весь божий мир таинственно *раскрыт*, / Как бездна искр, над сердцем беззащитным...» («На пороге ночи», 1903).

Анализ текстов позволил установить, что особенностью поэтической концепции Ю. Балтрушайтиса стало изображение лирического героя, устремленного к осознанию полноты и радости бытия, ощущению вездесущности Бога и света, приятию «преображенной» земной действительности, что и определило появление пространственно-временной символики *сада, дня, моря и света*.

В четвертой главе **Концептуальное единство художественного онтологического пространства в русской поэзии первой трети XX века** анализ художественных и публицистических произведений поэтов первой трети XX века, содержащих библейский дискурс, позволил выявить определенные идейно-смысловые доминанты (*путь, свет, обращённое время, семя*), которые взаимосвязаны между собой и образуют систему онтологического пространства

Параграф 1. посвящен рассмотрению **библейского мотива пути в лирике акмеистов**. «Преодоление символизма», диаволического дискурса (выражение А. Ханзен-Лёве), раздвоенности, восстановление целостного мировоззрения стало причиной поиска акмеистами иного пути. Вполне допустимо, что стремление к целостности бытия, гармонии мира стало одной из причин функционирования библейского мотива *пути* в лирике Н. Гумилева, А. Ахматовой и О. Мандельштама.

Жизнь в творчестве акмеистов осмысливается как *божий путь*: «Ты прости нам, смрадным и незрячим, / До конца униженным, прости! / Мы лежим на гноище и плачем, / Не желая *божьего пути*» (Н. Гумилев «Франции», 1918); *тонкий крест и тайный путь*: «Душный сумрак кроет ложе, / Напряжёнno дышит грудь ... / Может, мне всего дороже / Тонкий крест и *тайный путь*» (О. Мандельштам «Душный сумрак кроет ложе...», 1910); *свет* в значении *пути*: «Отчего же Бог меня наказывал / Каждый день и каждый час? / Или это Ангел мне указывал / Свет, невидимый для нас?» (А. Ахматова «Помолись о нищей, о потерянной...», 1912).

Онтологическая семантика мотива пути, свойственная, как было показано выше, каждому поэту, вполне очевидна. При сравнении вариантов мотива пути выявляется его общая семантическая структура, в центре которой – образ Христа.

Однако развитие мотива пути в творчестве поэтов отличается. У Н. Гумилева он характеризуется завершенностью, четким осознанием цели. А. Ахматовой свойственно осознание закономерности скорбного крестного прохождения земного пути. В поэзии Мандельштама – мотив пути не получает

завершения потому, что, по признанию лирического героя, он ему «неясен»: «Я в сердце века. / *Путь* неясен, / А время удаляет цель – / И посоха усталый ясень, / И меди нищенскую цвель» («Я в сердце века. *Путь* неясен ...», 1936).

Наблюдение над мотивом *пути* в лирике акмеистов, его семантический анализ в творчестве каждого из трех поэтов позволил сделать вывод о динамике понимания авторами пространства: от горизонтального (мотива *дороги*) к движению по вертикали (мотиву *пути*).

В параграфе 2. **Свет как пространство подлинной реальности в русской поэзии** рассмотрена семантика и функционирование мотива света в русской поэзии первой трети XX века. Идея *Света*, возникшая в текстах русских поэтов (Вяч. Иванова, Ф. Сологуба, А. Блока, А. Белого, И. Бунина, Н. Гумилева, О. Мандельштама и др.) как попытка преодоления мгновенности земного (столь шаткого для этой эпохи) бытия, – одна из *основных* идей в русской поэзии названного периода. Независимо от увлечений, навеянных духом времени, сложившейся революционной ситуацией, поиск религиозной истины, всегда присущий русской классической литературе, продолжался. Наиболее ярко он выразился в устремленности к *Свету* как к источнику жизни, способному защитить от разрушения и смерти. Парадоксально, «неожиданно», но это прослеживается в творчестве авторов, на первый взгляд, далеких от приятия канонических библейских истин, стремящихся либо к созданию «новых» религий, либо спорящих со славяно-русской традицией и не принимающих больше на веру ее истин. К такому роду «сложным» авторам можно отнести Ф. Сологуба и А. Блока: «У тебя, милосердного Бога, / Много славы, и света, и сил» (*Сологуб Ф. «Расточитель»*, 1917); «Так легко, как снежный пух, / Рождества крылатый дух / Озаряет небеса, / Сводит праздник на леса, / Чтоб от неба и земли / Светы встретиться могли, / Чтоб меж небом и землей / Загорелся луч иной, / Чтоб от света малых свеч / Длинный луч, как острый меч, / Сердце светом пронизал, / Путь неложный указал» (*А. Блок «Сочельник в лесу»*, 1912); «И видел там, за громом битв / Восстанье Светлого Завета / В волне рыданий и молитв / И набегающего Света» (*А. Белый «Современникам»*, 1918); «Я не прожил, я протомился / Половину жизни земной, / И, Господь, вот Ты мне явился / Невозможной такой мечтой / Вижу свет на горе Фаворе / И безумно тоскую я, / Что взлюбил и сушу и море, / Весь дремучий сон бытия» (*Н. Гумилев «Я не прожил, я протомился...»*) и д.т.

Другим важным аспектом в параграфе является исследование в русской поэзии первой трети XX века *семантической неоднородности пространства Света*, скоординированного именем *София*.

В параграфе 3. **Мотивы обращённого и остановившегося времени (на примере произведений А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, Н. Гумилева, О. Мандельштама, М. Волошина)** показан генезис и семантическая наполняемость мотивов обращённого и остановившегося времени. Анализ устойчиво проходящей через многие тексты русской литературы тенденции выявил разнообразные семантические оттенки и позволил обнаружить художественную структуру обращённого времени со следующей динамикой:

идея «праистоков» в творчестве раннего А. Блока, Н. Гумилева, О. Мандельштама вытесняется актуальным (прошедшим постоянным) временем, которое становится устойчивой моделью в поэтических концепциях Вяч. Иванова, А. Белого, позднего О. Мандельштама и М. Волошина.

Обращённое время в русской поэзии первой трети XX века – необходимое условие для становления человека, его возвращения в «потерянный рай» (или Эдем) при условии восхождения человека ко *Христу*, поэтому в статье Вяч. Иванова «Древний ужас» слово «человек» написано с заглавной буквы: «И знаем, что, по совершении *Человека*, всего себя вспомнит Адам, во всех своих ликах, в *обратном потоке времени* до врат Эдема, и первозданный вспомнит свой Эдем».

Мотив *обращённого времени*, раскрываемый в теме *воскрешения*, проецируется на библейский сюжет о *воскресении Христа* в «4-ой симфонии» А. Белого; в теме постоянного прошедшего времени на библейский сюжет *Рождества Христова* в стихотворении Вяч. Иванова «Ночь в пустыне».

Прошедшее постоянное время, реализующееся в образе «собирающего» времени (сосуществования всех времен и пространств) в творчестве А. Блока, Вяч. Иванова, Н. Гумилева, И. Бунина, М. Волошина, означает наличие обращённого времени, которое, несомненно, возникает как синхронизация личного опыта с опытом прошлых эпох; как вера в обратимость земных метаморфоз и становится незаменимой категорией бытия, разрешающей дихотомию *жизнь-смерть* в их поэтических онтологиях. Н-р, появляющийся образ Христа в поэме А. Блока «Двенадцать» и, одновременно, шествие за Ним двенадцати красноармейцев – возврат к прошлому, без которого в блоковском мире невозможен дальнейший *путь*, движение в будущее.

Особенно знаменательно стихотворение Н. Гумилева «Фра Беато Анджелико» (1912), в котором показана «концентрированность» всех времен и пространств в душе человека, существенен момент, когда малое может вместить в себя великое, что является, несомненно, одним из признаков онтологического пространства: «Есть Бог, есть мир, они живут вовек, / А жизнь людей мгновенна и убога, / Но все в себя вмещает человек, / Который любит мир и верит в Бога».

Мотив *обращённого времени*, восходящий к философским концепциям античности, идеям Ф. Ницше, во многих поэтических текстах русской литературы первой трети XX века принадлежит библейскому тексту (поэтому генезис мотива невозможно истолковать в рамках какой-либо философии), его природа полисемантична: от «дурной бесконечности» до идеи воскрешения.

Параграф 4. посвящен рассмотрению функционирования и семантики **библейского мотива семени**. Выявлена взаимосвязь мотива *семени* (*зерна, нивы*) с мотивом *обращённого времени* (или *возврата*) в поэзии Ю. Балтрушайтиса, М. Волошина, Вл. Ходасевича и других поэтов.

Мотив *семени* (*зерна, нивы*), в русской поэзии взаимосвязанный с мотивом *обращённого времени* (или *возврата*), семантически означает *торжество жизни, сосуществование времен*. Н-р, у Ю. Балтрушайтиса в

стихотворении «Возврат»: «Но дремлет быль в бессмертии веков, / Как *новый* цвет в *зерне...*». Другим важным семантическим компонентом мотива *семени* (*зерна, нивы*) становится *прорастание* из небытия в бытие, разрешающее проблему двоемирия, объединяющее разделенный символистами мир на «здесь и там». Например, в стихотворении М. Волошина «Как бурые нарывы, / *Могильники вздувались, / Расседались, / Обнажая / Побегу бледной плоти. / Пясти / Ростками тонких пальцев / Тянулись из земли; / Ладони розовели; / Стебли рук и ног / С усиьем прорастали, / Вставали торсы, мускулы вздувались, / И быстро подымалась / Живая нива плоти, / Волнуясь и шурша...*» («Суд», книга поэм «Путями Каина»).

Мотив *семени* становится концептуально значимым при создании поэтических текстов, в структуре которых возникают темы будущего России (М. Волошин, Вл. Ходасевич) и смысла человеческого бытия (А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб).

В художественном онтологическом пространстве русской поэзии первой трети XX века дурная бесконечность преодолевается бесконечностью актуальной, образуя смысловое поле, состоящее из концептуальных доминант *пути, света, обращённого времени и семени*, имеющих общую семантическую структуру.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования. В диссертации на основе структурно-семиотического подхода выявлен генезис и разработана структурная типология библейского дискурса в русской поэзии первой трети XX века, научно обосновано понятие *онтологического пространства*, объясняющее функционирование библейского дискурса в русской поэзии обозначенного периода.

Художественное *онтологическое пространство* проявляется в русской поэзии через конкретные поэтические образы и символы, свойственные библейскому тексту и христианской гимнографии: *сада* (Н. Гумилев, Ю. Балтрушайтис), *дня* (А. Блок, Н. Гумилев, Ю. Балтрушайтис, И. Бунин), *сеяния* или *семени* (Вяч. Иванов, О. Мандельштам, М. Волошин, И. Бунин, Вл. Ходасевич и др.), *света* (А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов, О. Мандельштам, И. Бунин), *моря* (Ф. Сологуб, Ю. Балтрушайтис, Б. Пастернак), *слова* (Ф. Сологуб, Н. Гумилев, И. Бунин), *полноты бытия* (Ф. Сологуб, А. Белый, Ю. Балтрушайтис, И. Бунин), *крестного пути* (Вяч. Иванов, Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам) и полисемантической концепции *круга* (от дурной бесконечности до идеи воскрешения), реализующейся в творчестве большинства авторов первой трети XX века.

Предложенная в данном исследовании типология дает возможность глубже рассмотреть художественное пространство поэтических текстов и приблизиться к пониманию мировоззрения их авторов. Библейский дискурс отражает субъективное понимание библейских истин, и, следовательно, психологию авторского восприятия, что позволяет лучше понять художественную концепцию поэта, школы и литературной эпохи.

В диссертации разработан алгоритм анализа художественных произведений, содержащих библейские мотивы, через призму идейно-смысловых доминант, что представляется перспективным для дальнейших исследований.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

Монографии и учебные пособия:

1. Пороль, О.А. Концепция двоемирия: Н.С. Гумилев / О.А. Пороль // Художественный конфликт в русской и зарубежной литературе; под ред. А.Г. Коваленко. – М.: Изд-во РУДН, 2011. – С. 376 – 386.
2. Пороль, О.А. Библейские элементы интертекстуальности в ранней лирике Ф. Сологуба / О.А. Пороль // Постмодернизм: взаимодействия в поле культуры (преемственность, диалог, интертекст); под ред. А.Г. Коваленко. – М.: Изд-во РУДН, 2014. – С. 24– 36.
3. Пороль, О.А. Библия и русская литература: программно-методические материалы (учебно-методическое пособие) / О.А. Пороль. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. – 104 с.

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

4. Пороль, О.А. О специфике функционирования библейских мотивов в произведениях русских писателей / О.А. Пороль // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 11. – С. 71– 76.
5. Пороль, О.А. Изучение произведений с библейскими мотивами / О.А. Пороль // Литература в школе. – 2007. – № 6. – С. 23 – 26.
6. Пороль, О.А. Смысловой аспект литературных произведений духовной направленности / О.А. Пороль // Начальная школа. – 2007. – № 10. – С.23 – 25.
7. Пороль, О.А. Из истории славяно-русского слова / О.А. Пороль // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 82. – С. 32 – 33.
8. Пороль, О.А. Онтологическое пространство в поэзии Мандельштама / О.А. Пороль // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 6. – С. 38 – 43.
9. Пороль, О.А. Поэтическая концепция пространства и времени в лирике А.А. Ахматовой / О.А. Пороль // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 11. – С. 26 – 30.
10. Пороль, О.А. Концепт «Воскресение» в поэтическом цикле Б. Пастернака «Стихотворения Юрия Живаго» / Н.М. Дмитриева, О.А. Пороль // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2011. – № 3. – С. 12 – 17.
11. Пороль, О.А. Онтологическое пространство и времени в поэзии Н. Гумилева / О.А. Пороль // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2011. – № 1. – С. 20 – 26.

12. Пороль, О.А. Библейский дискурс в раннем творчестве А. Блока / О.А. Пороль // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № № 4. – С. 62 – 67.
13. Пороль, О.А. Пространство библейских реминисценций в лирике О.Э. Мандельштама / Ю.Г. Пыхтина, О.А. Пороль // European Social Science Journal («Европейский журнал социальных наук»). – 2012. – № 10. Т.1. – С. 132 – 138.
14. Пороль, О.А. Вневременные формы бытия в лирике акмеистов / О.А. Пороль, Ю.Г. Пыхтина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 23. – С. 100 – 107.
15. Пороль, О.А. Библейский мотив пути в лирике акмеистов / О.А. Пороль // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 11. – С. 29 – 32.
16. Пороль, О.А. Библейские черты образа времени в творчестве А. Блока и О. Мандельштама / О.А. Пороль // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – № 11 (160). – С. 18 – 22.
17. Пороль, О.А. О семантике пространственно-временной символики в творчестве Вяч. Иванова / О.А. Пороль // Вестник российского университета дружбы народов – 2014. – № 1. – С. 12 – 19.
18. Пороль, О.А. Мотивы начала и конца в библейском дискурсе М. Волошина / О.А. Пороль, И.И. Просвирина, Н.М. Дмитриева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 11 (172). – С. 68 – 72.
19. Пороль, О.А. Поэтическая концепция бытия в библейском дискурсе Ю. Балтрушайтиса / О.А. Пороль // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 11 (186). – С. 27 – 32.
20. Пороль, О.А. Пространственно-временные категории в библейском дискурсе А. Белого / О.А. Пороль // Вестник российского университета дружбы народов. – 2015. – № 2. – С. 14 – 20.
21. Пороль, О.А. Особенности вербализации концепта «святость» в церковнославянском и древнерусском языках: этический аспект / Н.М. Дмитриева, О.А. Пороль // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – № 1 (188). – С. 57 – 62.

Статья, опубликованная в зарубежном издании:

22. Пороль, О.А. Провинциальный город как ментальное пространство / Ю.Г. Пыхтина, О.А. Пороль // «Русско-испанские сопоставительные исследования: теоретические и методические аспекты», Международная конференция. Испания, Гранада, 7-9 сентября 2011 г. – С. 438 – 443.

Другие публикации:

23. Пороль, О.А. Обращение к библейским мотивам при изучении творчества А.С. Пушкина / О.А. Пороль // Третьи международные Измайловские чтения, посвященные 170-летию приезда в Оренбург А.С. Пушкина. Оренбург, 9 – 10 октября 2003 г. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. – Ч. 2. – С. 249 – 253.

24. Пороль, О.А. К проблеме «Библия и русская литература» / О.А. Пороль // Библия и национальная культура; отв. ред. Н.С. Бочкарева. – Пермь, 2004. – С. 162 – 164.
25. Пороль, О.А. Роль церковнославянского (славяно-русского) текста при изучении литературных произведений, содержащих библейские мотивы (на примере произведения И. Бунина «Солнечные часы») / О.А. Пороль // Русский язык и литература рубежа XX – XXI веков: специфика функционирования: Всероссийская научная конференция языковедов и литературоведов. – Самара: Изд-во СГПУ, 2005. – С. 294 – 297.
26. Пороль, О.А. Библейская поэтика двух лирических стихотворений («Я счастлива жить образцово и просто...» М. Цветаевой и «Солнечные часы» И. Бунина) / О.А. Пороль // Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования: профильные классы: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2005. – С. 88 – 91.
27. Пороль, О.А. Духовные истоки русской национальной личности / О.А. Пороль // Мир славянской письменности и культуры: материалы заседания «круглого стола», посвященного основателям славянской письменности, равноапостольным Кириллу и Мефодию (24 мая 2005 г.). – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. – С. 132 – 135.
28. Пороль, О.А. Библия и культура села: попытка диалога (на примере произведения И. Бунина «Деревня») / О.А. Пороль // Этнохудожественная культура села: некоторые аспекты социокультурной деятельности Оренбуржья: Межрегиональная научно-практическая конференция (11 апреля 2006 г.). – Оренбург: изд-во ООО «Константа-сервис», 2006. – С.243 – 246.
29. Пороль, О.А. Мотив покоя в лирике Пушкина / О.А. Пороль // Вместе на одной земле. Этническая история и культура казахов Оренбуржья. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. – С. 275 – 278.
30. Пороль, О.А. Специфика текстуального анализа в 5-11 классах художественных произведений, содержащих библейские мотивы: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Пороль Ольга Анатольевна. – Самара, 2007. – 25 с.
31. Пороль, О.А. Роль нравственного аспекта церковнославянского (славяно-русского) текста при анализе литературных произведений, содержащих библейские мотивы (на примере произведения И. Бунина «На распутье») / О.А. Пороль // Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества: материалы международной научно-практической конференции. Оренбург, 6-7 ноября 2007 г.: в 2 т. Т.1. – Оренбург: изд-во ОГПУ, 2007. – С. 335 – 339.
32. Пороль, О.А. Роль церковнославянской (славяно-русской) лексики при анализе художественных произведений с библейскими мотивами (на

- примере произведения И. Бунина «На распутье») / О.А. Пороль // «Слава вам, братья, славян просветители»: материалы научно-практических конференций. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2008. – С. 157 – 161.
33. Пороль, О.А. Библейская лексика в поэзии И. Бунина / О.А. Пороль // Регионально ориентированные исследования филологического пространства: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Оренбург, 14 ноября 2008 г.). Оренбург: ГОУ ОГУ, 2008. – С. 99 – 102.
34. Пороль, О.А. Образ семьи в славяно-русской (церковно-славянской) литературной традиции / О.А. Пороль // Семья как субъект формирования национально-культурных традиций. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2008. – С. 52 – 57.
35. Пороль, О.А. Концептуальный анализ при рассмотрении текстов, содержащих библейские мотивы / О.А. Пороль // Русский язык как духовный и культурный собиратель нации: сборник трудов межрегиональной научно-практической конференции. – Самара: ООО Издательство «Книга», 2009. – С. 440 – 446.
36. Пороль, О.А. Анализ стихотворения Бунина «Собака» / О.А. Пороль // Литературный текст: проблемы поэтики: материалы II международной научно-практической конференции. – Челябинск, 2009. – С. 231 – 234.
37. Пороль, О.А. Прошлое, настоящее и будущее время в поэтике Гумилева / О.А. Пороль // Филологические чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург, 29-30 октября 2010 г / Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург: ОГУ, 2010. – С. 306 – 310.
38. Пороль, О.А. Концепт «вечность» в поэзии Мандельштама / О.А. Пороль // Личность в межкультурном пространстве: материалы V Международной научно-практической конференции, посвящённой 50-летию РУДН. Москва, 18-19 ноября 2010 г. Ч. II. – М.: РУДН, 2010. – С. 204 – 209.
39. Пороль, О.А. «Пушкинский текст» как основа создания философских тем и образов в лирике Н. Гумилева / О.А. Пороль // Материалы Международной научно-практической конференции (Оренбург, 24-25 ноября 2011 г.). – Оренбург: ФГБОУ ВПО «ОГИМ», 2011. – С. 237 – 242.
40. Пороль, О.А. Концепт *Слово* в поэзии акмеистов / О.А. Пороль // Славяне в этнокультурном пространстве южно-уральского региона: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье; под общ. ред. В.А. Шорикова. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2012. – С. 176 – 181.
41. Пороль, О.А. Теоретические и методические основы анализа художественных произведений с библейскими мотивами / О.А. Пороль // Проблемы современного филологического образования: сборник

- научных статей. Выпуск X; ответ. ред. В.А. Коханова. – М.: МПГУ; Ярославль: Ремдер, 2012. – С. 131 – 137.
42. Пороль, О.А. Концептуальное пространство света в творчестве И. Бунина / О.А. Пороль // Литературный текст XX века: проблемы поэтики: материалы V международной научно-практической конференции. – Челябинск: Цицеро, 2012. – С. 316 – 322.
43. Пороль, О.А. Поэтика сна в лирике А. Блока и Н. Гумилева / О.А. Пороль // Приволжский научный вестник. – 2012. – № 8. – С. 65 – 70.
44. Пороль, О.А. Образ времени в творчестве Блока и Мандельштама: Библейский аспект / О.А. Пороль // Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – С.152 – 158.
45. Пороль, О.А. О генезисе круга в поэме А. Блока «Двенадцать» / О.А. Пороль // Филологические чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Оренбург, 29-30 ноября 2012 г.). – Оренбург: ОГУ, 2012. – С. 152 – 156.
46. Пороль, О.А. Специфика анализа поэтических произведений, содержащих библейский дискурс / О.А. Пороль // Проблемы современного филологического образования: сборник научных статей. Выпуск X; ответ. ред. В.А. Коханова. – М.: МПГУ, Ярославль: Ремдер, 2013. – С. 117 – 121.
47. Пороль, О.А. Теоретические основы изучения художественного текста с библейскими мотивами на уроках литературы / О.А. Пороль // Сборник материалов Межрегиональных Богородице-Рождественских образовательных чтений: 2008-2012 г.г. / Оренбургская духовная семинария. – Оренбург, 2014. – С. 169 – 172.
48. Пороль, О.А. Анализ пространственно-временной символики в библейском дискурсе А. Белого / О.А. Пороль // Проблемы современного филологического образования: сборник научных статей. Выпуск XII; ответ. ред. В.А. Коханова. – М.: МПГУ; Ярославль: Ремдер, 2014. – С. 139 – 143.
49. Пороль, О.А. Церковнославянская традиция в русской лирике начала XX века (на примере произведений Ф. Сологуба, О. Мандельштама, И. Бунина) / О.А. Пороль // Вестник Оренбургской духовной семинарии – 2014. – Вып. 1 (1) 2014. – С. 177 – 184.
50. Пороль, О.А. Анализ пространственно-временной символики в библейском дискурсе Ю. Балтрушайтиса / О.А. Пороль // Проблемы современного филологического образования: сборник научных статей. Выпуск XIII; ответ. ред. В.А. Коханова. – М.: МПГУ; Ярославль: Ремдер, 2015. – С. 190 – 194.

51. Пороль, О.А. Свет как пространство подлинной реальности в русской поэзии первой трети XX века / О.А. Пороль // Социально-гуманитарные основы современного университетского образования: традиции и инновации: Сборник Международной научной конференции: «Наука и образование: фундаментальные основы, технологии, инновации», посвященной 60-летию Оренбургского государственного университета. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. – С. 181 – 185.
52. Пороль, О.А. Идея актуальной бесконечности в творчестве русских поэтов первой трети XX века / О.А. Пороль // Славяне в этнокультурном пространстве южно-уральского региона: материалы XI Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015.– С. 240 – 245.
53. Пороль, О.А. Библейские мотивы в творчестве русских поэтов первой трети XX века / О.А. Пороль // «Евразийский перекресток». Сборник материалов научно-практических мероприятий. Выпуск первый. – Оренбург-Актобе: ООО ИПК «Университет», 2015. – С. 211– 224.

Пороль Ольга Анатольевна (Россия)
Библейский дискурс и онтологическое пространство в русской поэзии
первой трети XX века (генезис, типология)

Исследование посвящено пространственно-временному аспекту рассмотрения библейского дискурса в русской поэзии первой трети XX века. На материале поэтических текстов обозначенного периода осуществлено системное осмысление художественного онтологического пространства, возникающего в результате функционирования библейского дискурса. Проведен текстуальный анализ произведений русской поэзии первой трети XX века с целью выявления наиболее репрезентативных образцов, воплощающих библейский дискурс. Обоснована и представлена типология доминантных библейских мотивов, отражающих индивидуальную специфику художественных систем поэтов, научно обосновано понятие онтологического пространства как важнейшего, структурообразующего термина, наиболее адекватно объясняющего функционирование библейского дискурса в русской поэзии обозначенного периода. Выявлена и обоснована взаимосвязь мотивов, их структурная целостность и единство, опирающиеся на общие для данной эпохи идейно-художественные поиски.

Практическая значимость исследования определяется авторскими научными разработками, демонстрирующими результаты данного исследования, позволяющими его применять в процессе преподавания истории русской литературы, спецкурсов и спецсеминаров по анализу художественного текста.

Porol Olga Anatolyevna (Russia)
A biblical discourse and ontological space in the Russian poetry of the
first third of the XX century (genesis and typology)

The research is devoted to space and temporal aspect of studying biblical discourse in the Russian poetry of the first third of the XX century. The system analyses of the literary ontological space resulting from the functioning of a biblical discourse is conducted on the material of poetic texts of noted period. The textual analysis of the Russian poetry works of the first third of the XX century is carried out to detect the most representative samples embodying a biblical discourse. There is provided and justified the typology of the prepotent bible motives, reflecting personal specifics of literary systems, the concept of ontological space as the poetic most important, structure-forming term that is most adequately explaining functioning of a biblical discourse in the Russian poetry of stated period. The correlation of motives, their structural integrity and unity based on the common for this era ideological and literary searches is revealed and explained.

The research practical significance is defined by the author's scientific surveys illustrating results, allowing to apply them in the course of the history of Russian literature, special courses and seminars devoted to the analysis of literary texts.